

ЗАРУБЕЖЬЕ

Познаете Истину
и Истина сделает
вас свободными.
Еванг. от Иоанна.

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

№ 3 (19)

ОКТАБРЬ 1968

МЮНХЕН

И. А. ИЛЬИН

О свободе*

Современный человек не верит ни во что и сомневается во всем — сомнением безразличным и бесплодным; и потому все, чего коснется его сомнение, теряет для него свою ценность. Так он сомневается и в свободе; и вследствие этого он предает ее и лишается ее.

Но мы не сомневаемся в свободе и знаем достоверно и точно, почему она нам необходима: без нее нет путей к достойной жизни, к духу и к Богу.

Пока человек пользуется свободой, он мало думает о ней. Он дышит, живет и наслаждается ею; он непосредственно плывет в ее легком потоке. Свобода подобна воздуху: человек дышит воздухом, не думая о нем. Воздух как бы сам вдыхается и сам покидает нас, все время вливаясь и изливаясь. Мы вспоминаем о нем обычно лишь тогда, когда его не хватает, когда он становится тяжел или смраден, — когда человек начинает задыхаться. Тогда мы вспоминаем, иногда с мгновенно охватывающим нас ужасом, что без воздуха нельзя жить, что мы забыли о нем и не дорожили им, что он безусловно необходим, что начинается гибель...

Так обстоит и со свободой. Человек не может жить без нее; она безусловно необходима ему подобно воздуху... Почему?

Потому что человек может любить — только свободно. Ибо настоящая любовь — искренна и цельна, не вынуждена и нелицемерна; она свободно возникает и свободно дышит... или же она не возникает совсем и заменить ее тогда нечем... Кто любил, тот знает это по собственному опыту. И потому можно с уверенностью сказать, что человек, презирающий чужую свободу и подавляющий ее, не знает, что такое любовь: у него черствое и мертвое сердце.

Только свободно можно веровать и молиться. Ибо настоящая, живая вера всегда захватывает самую последнюю глубину души, куда не проникают никакие чужие повеления и запреты, где человек самостоятельно созерцает, видит, любит и верует: где он свободен. Если же этого нет, то вера его неискренна и называть ее верою совсем не следует. Молитва верующего подобна глубокому вздоху, или пению сердца или священному пламени: она вздыхает, поет и горит сама и предписать ее невозможно... Поэтому надо признать, что человек, подавляющий свободу веры и молитвы, — кто бы он ни был сам: безбожник или «религиозный» фанатик, — не ведает сам ни молитвы, ни веры; в нем «нет Бога» и ждать от него добра — дело безнадежное.

Подобно этому — мыслить и исследовать человек может только свободно: потому что настоящее мышление самостоятельно и всякое подлинно-научное исследование самодеятельно; оно не терпит навязанного авторитета и не может двигаться по предписанию и запрету. Навязанный образ мысли — убивает мышление, так что от него остается только словесная видимость. «Слепое исследование» — есть живое противоречие, научная невозможность. Именно поэтому человек мысли признает за другими право на глупость и на заблуждение: ибо он бережет свободу, как

необходимое и драгоценное жилище, в котором потом однажды поселится умная истина. Напротив, кто насаждает рабски-подражательный трафарет, тот не понимает природу мысли; он далек и от истины, и от ума.

Для того, чтобы человек пережил очевидность и приобрел убеждение — ему необходима свобода; только свободное убеждение имеет духовную силу и жизненный вес; только оно захватывает последнюю глубину личности; только оно формирует характер человека; только оно может быть верным даже до смерти... Кто этого не понимает, кто считает возможным навязывать людям убеждения, тот никогда не переживал очевидности и не шел дальше слепой одержимости.

Всякое творчество человека требует свободы — добровольного самовложения, созерцающей инициативы, личного почина, любви и вдохновения. Творчество возникает из внутреннего, нестесненного, таинственного побуждения, в котором участвует сам индивидуальный инстинкт и которым руководит сам личный дух. Эта личная инициатива драгоценна во всех сферах культуры — в искусстве и в хозяйстве, в науке и в политике, в воспитании и во всякой жизненной борьбе.

Всякое человеческое творчество возникает из лишений и из страдания, и всякое создание культуры есть преодоленное и оформленное страдание человека. Для того, чтобы это преодоление состоялось, человек должен сам принять свое страдание, сам искать выхода, сам созерцать, молиться, очищать и просветлять свое сердце. Никто не может заменить его в этом; и помощь извне может прийти только в виде совета, а не в виде предписания или запрещения. Нет творчества без свободы. И тот, кто не понимает этого, тот никогда ничего не творил и не испытывал вдохновения.

Только свободно может человек пережить акт совести: раскрыть свое сердце, внять совестному зову, принять его волею и осуществить его поступком. Этот драгоценный акт не может быть ни запрещен, ни предписан. Он сразу — духовен и органически целен, таинственно глубок и инициативно-самодеятелен. Нарушить его свободу значит попытаться лишить человека совести, а к этому способны только бессовестные люди...

Но любовь, вера и молитва, мышление и исследование, очевидность и духовный характер, творческое вдохновение и акт совести, — разве это не важнейшее в жизни человека, разве не в этом смысл его земной жизни? Разве не этим творится культура? Конечно, именно этим!

Но тогда жизнь человека без свободы — бессмысленна или невозможна. Так это и есть на самом деле. Все духовное и великое возникает в жизни — таинственным образом из себя самого и через самого себя: таинственно загорается в существах пламя жизни, вложенное Богом; свободно разгорается оно, стремясь ввысь, к Богу. Так воспламеняется любовь; так человек молится; так творится искусство; так строится наука; так преодолеваются духовные кризисы; так крепнет духовный характер человека; так совершаются героические поступки...

*) Глава из книги «Путь к очевидности».

Это необходимо понять, в этом необходимо удостовериться раз навсегда: предписанное мышление есть мнимое мышление, есть симуляция мысли, безответственное пустословие. Вынужденная любовь есть несостоявшаяся любовь. Навязанная молитва, произносимая без участия свободного сердца, есть жалкая видимость молитвы, лицемерие, пытающееся обмануть людей и Бога. Лишенный свободы, человек духовно мертвеет и только осуществляет предписанную ему пошлость; он ведет жизнь раздвоенную, бессильную и неискреннюю; ему нельзя доверять, на него нельзя полагаться; он живет обманом и самообманом; и всю жизнь стоит накануне предательства. Или же, — в лучшем случае, — его здоровый инстинкт и его живой дух покидают сферу внешнего лицемерия и уходят в душевную глубину, создавая себе там катакомбную жизнь, где он блюдет свои свободные побуждения и следует голосу свободного вдохновения.

Так обстоит во всей человеческой жизни, не только в духовной культуре, но и в хозяйстве. Только свободный труд не унижает человека, и именно поэтому он продуктивен и созидателен; только невынужденное, добровольное, радостное прилежание может быть признано инстинктивно-здоровым и духовно-верным делом. Принуждение ни в чем не может заменить свободного интереса и творчества. Все подобные попытки — безнадежны, где бы они ни возникали и какие бы цели они ни преследовали.

И кто этого не знает и не понимает, тот однажды убедится в этом на собственном, вероятно мучительном опыте; ибо всякое уклонение от законов духа и природы наказуется страданием.

Две великие опасности грозят человеческой свободе: во-первых, недооценка свободы, ведущая к легкомысленному отречению от нее; и во-вторых, злоупотребление свободой, ведущее к разочарованию в ней и утрате ее.

Это может случиться с каждым человеком и с каждым народом, что он недооценит здоровую и благословенную свободу, или же впадет в превеличие и необузданность и злоупотребит ею. Тогда он потеряет ее. В этом еще нет позора; но это есть великая ошибка, которая ведет к беде, а может привести и к позору. Тогда начинается добровольное или недобровольное порабощение, которое может длиться долго и привести к сущей

— личной или всенародной — трагедии; тогда придется пройти суровый путь — страдания, терпения, научения и освобождения.

Тот, кто теряет свободу вследствие легкомысленной недооценки ее, сначала, может быть, не заметит своей утраты и своего лишения; но потом начнутся унижения и лишения и ему придется страдать до тех пор, пока он не осознает, чего он лишился, и не востоскнется по свободе. Однако вернуть потерянную свободу не легко; необходима борьба за нее; надо понять смысл полученного жизненного урока, понять неизбежность борьбы и подготовиться к ней. И з б а в л е н и е придет только тогда, когда поработанный почувствует, что ему свобода дороже жизни; когда он поймет, что свободу надо ценить, как воздух, и что злоупотреблять ею нельзя. Тогда под гнетом принуждения вспыхнет подлинная жажда свободы; инстинктивная потребность и духовная воля соединятся для этой борьбы и в человеке созреет способность — не только добиваться свободы, но закрепить ее в достойных формах для верного жизненного наполнения...

Свобода не просто «даруется» сверху; она должна быть принята, взята и верно осуществлена снизу. Дарованная сверху, она может стать «напрасным даром»: внизу ее недооценят, неверно истолкуют и употребят во зло. Человек должен понять ее природу: ее правовую форму, ее правовые пределы, ее взаимность и совместность, ее цель и значение; мало того, он должен созреть до того, чтобы верно осознать ее нравственные и духовные основы. Если этого не будет, то он превратит свободу в произвол, в «войну всех против всех» и в хаос. И трагедия ее утраты начнется сначала.

Свобода есть духовный воздух для человека; но для недуховного человека она может стать соблазном и опасностью. Культура без свободы есть мнимая культура, праздная видимость ее; но культурный человек обычно воспринимает ее, как «право на разнуздание» или как призыв к произволу. Народы медленно созревают к истинной свободе. И история человечества подобна бесконечному круговороту порабощения, страдания, терпения и освобождения.

А мы, наблюдая этот трагический круговорот, не сомневаемся в свободе, ибо мы верно и точно понимаем ее духовный смысл.

Б. ПИРОЖКОВА

Философский конгресс в Вене и проблемы марксизма

С 2 по 9 сентября 1968 года в Вене состоялся международный философский конгресс. Присутствовало 3200 мыслителей со всего мира. Только дообеденные пленарные заседания и первый коллоквиум по марксизму были организованы для всех участников. После обеда заседал одновременно ряд секций и коллоквиумов, так что каждый участник конгресса мог охватить только небольшую часть всего того, что дискутировалось и обсуждалось на конгрессе. Кроме того, в небольшой журнальной статье совершенно невозможно остановиться на всех философских направлениях, о которых говорилось на конгрессе. Для наших читателей, может быть, будет интереснее всего узнать об интерпретациях и обсуждениях марксизма, которым на конгрессе было уделено довольно много времени и внимания.

При этом выяснилось, что далеко не все философы из восточноевропейских стран согласны между собой относительно интерпретации тех или иных положений марксизма. Советская делегация, весьма многочисленная, пыталась утвердить свое понимание марксизма, находившееся

на довольно примитивном, догматическом уровне и отказывалась дискутировать более глубоко поставленные проблемы. На пленарных заседаниях и коллоквиумах марксизм представлялся главным образом членами делегации Советского Союза и восточной Германии, тогда как в отдельных секциях выступали также философы других восточноевропейских стран.

На первом, общем для всех участников конгресса, коллоквиуме о марксизме, посвященном Гегелю и Марксу, основные доклады делали советский профессор Ф. И. Ойзерман и марксист из восточной Германии Штилер.

Краткий доклад Ойзермана повторил ряд тезисов советской интерпретации Маркса. Как обычно, эти тезисы не шли в глубину, не были достаточно обоснованными, что, впрочем, в кратком докладе трудно сделать, и вызвали целый ряд вопросов, не получивших ответа.

Укажем на некоторые из них. Так Ойзерман интерпретирует гегелевское «Все действительное разумно и все разумное действительно» как высказывание, направленное против тех, кто не верит в осуществление идеалов и

думает, что на свете не может все становиться лучше и лучше, напротив, все, к сожалению, становится только хуже. Однако, Ойзерман не объясняет нам, что вообще означает «лучше» и что «хуже». Удивительно, с какой наивностью советские марксисты предполагают, что это известно всему человечеству и об этом не может быть никаких споров. Сколько раз такие русские философы как Булгаков, Струве, Бердяев указывали на полную несостоятельность гедонизма, т.е. веры во все увеличивающееся счастье людей, потому что счастье — нечто совершенно субъективное и не измеримо никакими объективными критериями. Философ Карл Поппер, живущий сейчас в Англии и также участвовавший в конгрессе, не раз указывал в своих книгах на то, что нет объективного измерителя для «лучше» и «хуже», что каждое развитие можно назвать и развитием к лучшему и развитием к худшему, смотря по тому, с какой шкалой ценностей к нему подходить.

Ойзерман повторил, что Маркс углубил Гегеля, сказав, что человечество всегда ставит себе такие задачи, которые оно может разрешить. Развивающаяся действительность, гласит этот тезис, создает идеалы и сама их превышает в своем дальнейшем развитии. Это очень известное марксистское утверждение. По этой формуле все получается очень легко: человечество и действительность ставят себе только такие задачи и идеалы, которые оно может достигнуть, достигает их, перерастает их, ставит новые задачи и идеалы, достигает и их и так далее (Впрочем, неизвестно, что будет, если оно когда-нибудь достигнет коммунизма: перерастет оно его тоже или нет?) Одним словом все весьма оптимистично и освещено одним лишь розовым светом. Отчего же в истории так много неудач, срывов, трагедий? Кажется, в истории больше трагедий, чем безмятежно счастливого продвижения вперед. Весь советский период русской истории, особенно же время Сталина, настолько трагично, что трудно представить себе, как серьезные люди перед лицом этих трагедий могут так поверхностно и легковесно оптимистически подходить к вопросам историософии.

Под конец своего доклада Ойзерман собрал вместе все, в чем «буржуазные» философы «обвиняют» марксизм и что по мнению Ойзермана является искажением этого последнего.

Между прочим, Ойзерман утверждал, что все аргументы против марксизма уже очень старые, многие из них уже столетней давности, и он не слышал последнее время никакого нового аргумента. Ну что-ж, если это и верно, то это вполне понятно: ведь и сам марксизм уже очень стар. Это философия даже еще больше чем столетней давности и я должна сказать, что я уже давно не слышала никакого нового аргумента в пользу марксизма. Не дал его и Ойзерман. А если сами марксисты пережевывают зады столетней давности, то какими же новыми аргументами им отвечать? Ведь и старые-то они даже не попытались убедительно опровергнуть. Они только все время монотонно повторяют свои собственные утверждения и редко пытаются в деловом тоне полемизировать с инакомыслящими. Чаще они бранятся. Но брань не является философским аргументом.

Какие же, однако, «грехи» противников марксизма собрал воедино Ойзерман? В чем же они обвиняют марксизм? В том, что он стремится упразднить философию и заменить ее практикой, отворачивается от объяснения мира и только хочет изменить этот мир. Марксизм обвиняют в том, что у него прагматическое понимание истины, что он сводит все социальные проблемы только к одной, а именно к отчуждению, отрицает роль личности в истории, полностью сводит личное, индивидуальное к социальному, унифицирует исторический процесс, абсолютирует экономику. Марксизму ставят в вину фатализм, волюнтаризм, позитивизм, экзистенциализм и телеологию.

Право, бедные марксисты! В каких только противоречивых и взаимоисключающих вещах их ни обвиняют! Вот, скажем, фатализм и волюнтаризм: как же они могут ужиться в одном мировоззрении? Но действительно ли

это все злоумышления противников марксизма, а его верные адепты ни в чем не виноваты? Построили ли они в самом деле такую логичную и ясную философскую систему, что подсовывать им противоречивые понятия можно только при злой воле? Вряд ли. Марксизм полон противоречий и недоработанных или примитивных философских понятий, несмотря на его уже весьма почтенный, более чем столетний возраст. Если исторический процесс в самом деле совершается с естественной необходимостью, как писал еще Маркс в своем известном предисловии к «Политической экономике», если этот процесс с необходимостью движется к коммунизму, как до сего дня утверждают советские марксисты, то это, конечно, фатализм в теории. Но когда Ленин пишет, что рабочие сами по себе никогда не дойдут до революционной теории и что нести ее им должна революционная интеллигенция («Что делать?»), когда марксисты организуют партию профессиональных революционеров и захватывают власть в экономически отсталых странах, где по их же собственной теории никакой пролетарской революции произойти не могло, тогда это чистейший волюнтаризм на практике. Кто же, стало быть, марксисты: фаталисты или волюнтаристы?

Что касается роли личности в истории, то в свое время Плеханов написал по этому вопросу целую брошюру, на которую советские марксисты и до сего дня ссылаются. Однако, вопрос, какую же роль играет личность в проходящем с естественной необходимостью историческом процессе, яснее не стал. Плеханов называет крупные исторические личности «начинателями», людьми, которые обладают особым инстинктом и чувствуют «дух времени». Они начинают какое-то новое движение, которое, впрочем, и без них бы началось, только, возможно, несколько позже. Ни одна самая крупная личность не может по Плеханову изменить основной ход истории, т.е. не может изменить развитие продуктивных сил и производственных отношений, но эти личности могут давать истории «индивидуальную окраску». Вот если Наполеон был бы убит уже в Тулонской битве, пишет Плеханов, то не было бы Наполеоновских войн, но ход истории от этого бы существенно не изменился. Наполеоновские войны Плеханов презрительно называет «случайностью второго порядка». Жан-Поль Сартр, как известно склонный к марксизму, все же ужаснулся и назвал оценку Плеханова верхом презрения к живым людям и их судьбе. Сартр, конечно, прав. Но дело даже не в этом. Логически продолжая мысль Плеханова следует сказать, что и первая и вторая мировые войны были «случайностями второго порядка», «индивидуальной окраской истории», их могло бы и не быть, с ними или без них, но человечество необходимо продолжает продвигаться к коммунизму. Ну, а что если в будущем какая-нибудь подобная «случайность второго порядка» в виде четвертой или пятой сверхатомной мировой войны уничтожит невзначай все человечество, то кто же тогда будет с необходимостью продвигаться к коммунизму? Какова же все-таки роль личности в истории? И от чего зависит, какую «индивидуальную окраску» эта личность дает истории? От свободной воли этой личности? Или от чего-нибудь другого? Вот на этот вопрос советские марксисты и не пробуют ответить. Не замечают они и другого. Плеханов все толкует о великих личностях. Советским марксистам с их поочередным историческим культом то Ленина, то Сталина, то Хрущева, то снова Ленина и отчасти Брежнева и в голову не приходит, что вопрос о роли личности в истории еще вообще по-настоящему не поставлен, если он обсуждает только роль отдельных крупных личностей. На самом деле речь идет о роли каждой личности в историческом процессе, самой маленькой, самой ничтожной, и о том, как она принимает свои решения, т.е. является ли исторический процесс равнодействующей многих больших и маленьких решений бесчисленного количества людей, или же все мы, кроме Наполеонов, Лениных и Сталиных, являемся пешками в историческом развитии, совершающемся с естественной необходимостью.

Да вот: телеология, которую советские марксисты так ненавидят. Ведь если цель развития исторического процесса, коммунизм, предопределена, да еще если даже этот самый исторический процесс расценивается с точки зрения этой цели, как это постоянно делают советские марксисты, то это самая настоящая телеология, нравится это марксистам или не нравится.

Что же касается замены теории практикой или, вернее, знака равенства между теорией и практикой или прагматического понимания истины, то такие интерпретации марксизма имелись и имеются. Но обвинять советских марксистов в этом действительно не приходится: у них практика совершенно расходится с теорией.

Под конец Ойзерман пожаловался, что критики марксизма называют коммунистический идеал секуляризованным представлением о библейском рае. «Но кому в наше время неизвестно, — сказал Ойзерман, — что рай ни в коем случае не является коммунистическим идеалом: в раю не было ни работы, ни любви, ни познания».)

Знаменательно, что югославский марксистский философ Стоянович указал Ойзерману на совершенно неправильное понимание им библейского рая. В раю было познание и притом более совершенное, чем теперь. Когда в Библии говорится, что человек нарек имя всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым, то это и означает, что он познал их в самой их сущности. Назвать что-либо своим именем вовсе не значит дать первую попавшуюся кличку, но это значит словом выразить самую сущность данного объекта.

Что же касается любви, то она не только была в раю, но она была настоящей, совершенной, не такой как наша тепершняя, ограниченная любовь. И даже если Ойзерман имел ввиду исключительно эротическую любовь, то и то он ошибался, отрицая ее существование в раю. Грехопадение заключалось в непослушании Богу и в высокомерном желании «стать как Бог», и больше ни в чем другом. Если Ойзерман так уж жалуется, что критики искажают марксизм, то ему самому не следовало бы искажать Библию.

Другие доклады советских марксистов вряд ли вообще заслуживают большого внимания. Как на пленарных заседаниях, так и в секциях, они, собственно говоря, пережевывали старые тезисы и философский уровень их выступлений был, как уже указано, не высок. Впрочем, дать обзор всех секций невозможно, по уже указанной выше причине.

Большой интерес заслуживают некоторые выступления других восточноевропейских философов. Так чешский профессор Пруха на заседании секции метафизики указал на то, что представители диалектического материализма, яро отрицающие метафизику, сами устанавливают свою собственную материалистическую метафизику. Они постулируют материю как первопричину мира, как бытие, не допускающее никаких дальнейших вопросов. Они объявляют материю неразрушимой и вечной. Но этим самым они выходят уже за пределы опыта, т.е. физики, и утверждают свою собственную материалистическую метафизику. Профессор Пруха высказал очень правильную мысль.

Другие восточноевропейские философы интерпретировали исторический материализм иначе, чем это делают советские марксисты. Так они решительно отделяли истмат от диамата, чтоб вернуть истории и историософии ее самостоятельность в методах и всем характере их научной и философской специфики. Советские марксисты считают научными только методы исследования, применяемые естественными науками, и судорожно стараются перенести их на изучение человека и его истории. На самом деле изучение человека и его истории имеет свои собственные методы и свою специфику, отличную от естественных наук. От этого эта специфика не становится менее научной.

Затем эти философы отвергают определение исторической необходимости как преддетерминации последовательности событий. Они определили необходимость только как структурную закономерность данной ситуации. Иными словами: в прошлом совершен ряд действий и настоящее, его данная структура, вполне определена и детерминирована этими прошедшими действиями. Но будущее совершенно открыто. Человек не предопределен ничем, но ограничен соответственно каждой данной исторической ситуацией, которая является точкой приложения его действий. Человек может действовать только исходя из данной конкретной ситуации, но он может сделать из этой ситуации различные выводы. Соответственно сделанному выводу и совершенному действию создается новая ситуация, исходя из которой опять-таки можно действовать по-разному. История — творческий процесс, который не стремится с необходимостью ни к какому конечному состоянию.

Югославские марксисты хотели дать на этом конгрессе свою интерпретацию марксизма, но руководство конгресса не предоставило им для этого соответствующего времени. Югославский профессор Петрович обвинил на пресс-конференции руководство конгресса в том, что оно отклонило предложение югославов устроить дискуссию вокруг философского журнала «Практика», в котором, между прочим, пишут и другие восточноевропейские философы, не только югославы. Петрович сказал, что это произошло оттого, что за советскими марксистами стоит мировая держава, а за югославами не стоит никто.

Один из руководителей конгресса, австрийский профессор Лео Габриель, сделал неудачное предложение, чтобы советские и чехословацкие философы дискутировали о проблемах различной интерпретации марксизма. Один из чешских философов заявил на это, что чешские и словацкие философы не будут ни о чем дискутировать с советскими, пока советские танки стоят в Чехословакии. Таким образом, конгресс в целом не дал, к сожалению, полной картины различных мнений, существующих относительно понимания марксизма. Но все же стало ясно, что возможны весьма различные интерпретации марксизма в лагере самих марксистов. Канадский профессор Клибанский отметил этот факт на пресс-конференции и добавил, что советские марксисты объявляют свою интерпретацию абсолютной и пытаются утвердить ее при помощи танков.

На это советский профессор Константинов ответил, что есть только один марксизм, но при том широком распространении, которое он получил в последнее время, он может в разных головах отразиться различно. В Чехословакии же дело шло по его словам не о различных интерпретациях марксизма, а о мире в Европе. Он сказал, что все присутствующие будут еще благодарны Сов. Союзу за вторжение в Чехословакию. Эти слова вызвали сильное возмущение всего зала и Константинов покинул демонстративно пресс-конференцию под шиканье и свистки.

Более серьезный характер носили доклады советских философов, когда они не относились непосредственно к марксистской идеологии. Так, например, не лишен интереса доклад П. В. Копнина на тему о языке и семантике: «Анализ языка как логически-эпистемологической проблемы». В этом докладе Копнин довольно определенно говорит, что при всяком творчестве, даже при всякой работе, человек сначала имеет идею, план того, что он хочет создать. Этот примат идей, примат духовного, Копнин старается согласовать с тезисом диамата о том, что чисто механический, инстинктивный труд был первичен и онто и создал самого человека как человека, превратил *homo instinctivus* в *homo sapiens*, создал мысль и язык. У Копнина нет этого тезиса. И хотя его доклад этой проблемы непосредственно не касается, но все же трудно себе представить, чтобы Копнин утверждал этот тезис в той же примитивной форме, как это делал, например, Константинов в своих книгах. Тем не менее Копнин старается ограничить примат духовного указанием на то, что прежде, чем человек, например, может получить идею

.) Akten des XIV. Internationalen Kongresses für Philosophie. Wien, 2-9 September 1968. B. II, стр. 95.

каменного топора, он должен иметь вещественное, и при этом правильно отраженное, представление о камне. Тот факт, что из камня удастся сделать топор, является доказательством правильности отражения окружающей человека реальности. Здесь Копнин осторожно поддерживает марксистскую теорию познания, которая заключается в утверждении правильного отражения внешнего реального мира в нашем сознании и ощущениях. Я говорю «осторожно», потому что пример с камнем и топором показывает только, что человек правильно познал одну сторону камня, именно возможность его применения. Камень может, несмотря на топор, сам по себе попрежнему оставаться для человека кантовской «вещью в себе».

И в отношении Канта Копнин осторожен. Он, правда, отрицательно отзываясь об агностицизме Канта и не признает понятия «вещи в себе», но тем не менее чрезвычайно высоко ценит кантовский анализ возможностей познания для человеческого разума.

Между прочим, как раз современное естествознание в каком-то смысле вернулось к «вещи в себе» Канта. Оно стремится к изучению отношений, но не сущности вещей. Эти соотношения — а пример камня и топора тоже является соотношением — человеческое познание очевидно может правильно отражать, но о сущности вещей это еще ничего не говорит. Копнин, собственно говоря, это знает. Он, например, пишет: «Прежде всего бросается в глаза элиминация чувственного из содержания научного знания. Понятия науки приобретают все более абстрактный характер, и научные теории внешне выступают в форме системы знаков, допускающих различные интерпретации».²⁾ Если Копнин дальше говорит, что важно не только отсутствие противоречий внутри самой системы знаков, но важна также и интерпретация понятий и теорий, «т.к. за языком научных теорий скрывается система знания, которая нужна человеку для овладения явлениями, процессами объективной реальности»,³⁾ то за этим скрывается опять-таки реальность соотношений, а не реальность сущности вещей. Для овладения природой, для уверенного действия в ней, человеку необходимо только правильное понимание этих соотношений. Поэтому практика никак не может являться критерием или методом познания сущности вещей как таковых.

Далее Копнин справедливо указывает на то, что философия и ее категории совершенно необходимы для познания мира. «Упразднение философии в любой форме ведет к духовному обнищанию человечества».⁴⁾ Однако, категории той или иной философской системы могут оказаться впоследствии не вполне достаточными для новых открытий. «Противоречие между теоретическим уровнем познания эпохи и ее понятиями, выраженными в философских категориях, может достичь такого размера, что оно значительно затормозит образование и понимание новых фундаментальных теорий в науке, для которых нужна логическая сеть другой структуры, с новыми категориями и новым содержанием прежних категорий».⁵⁾ И дальше: «Проблема состоит, собственно говоря, в том, чтобы непрерывно изменять содержание философских понятий; с одной стороны не смешивая понятий специальных наук и философских понятий, а с другой стороны, не превращая последние в новые философские категории, вводить в синтез философии новые философские категории на основании обобщения современных знаний. Так возникает задача переинтерпретации на новой основе познаний прежде возникших и образованных философских категорий. Эта задача относится к вечным задачам философии».⁶⁾

Все это интересные мысли. Только напрасно Копнин ссылается при этом на Энгельса и Ленина, которые якобы положили начало этому живому творчеству в области

философии. Именно марксистская философия, возникшая 100 лет тому назад, попадает все больше в упомянутое Копниным противоречие к новым познаниям в естественных, а еще больше в социально-исторических науках.

И еще в одном месте своего интересного доклада Копнин отдает долг марксистской догматике. Указывая на то, что идея какого-нибудь предмета первична, — сначала возникает она, а затем человек в творческом акте создает самую вещь, Копнин сейчас же оговаривается, что абсолютирование этого факта создает ложное философское мировоззрение и побуждает людей думать, что весь мир и природа являются результатом идеи и творческого акта какого-то всемогущего существа. А почему, собственно говоря, это ложное мировоззрение? Результатом чего является весь мир явлений и человек? Результатом «творческого акта» материи без всякой идеи? Но такое представление бессмысленно и находится ниже интеллектуального уровня других высказываний этого философа.

Польский философ Адам Шаф указал в рамках того же пленарного заседания на то, что хотя по его мнению идеологии и пересекаются с наукой, но все же каждая идеология построена прежде всего на известной системе ценностей. Эта система ценностей пользуется обобщающими понятиями для той или другой группы людей. Шаф называет их стереотипами, пользуясь введенным Вальтером Липманом термином. Эти стереотипы упрощают взгляд на мир и вызывают известные эмоции, как только произнесено определенное слово. Так у американского расиста слово «негр» вызовет сразу же известное отталкивание, у антисемита слово «еврей» и т.д. Такие стереотипы могут быть, конечно, не только расовые, но и классовые. Шаф думает, что с ложной идеологией можно бороться с помощью языка, с помощью терминологии; таким образом, чтобы сборное понятие стереотипа дифференцировать, индивидуализировать, указать в обозначении, в терминологии, что есть разные негры, разные евреи, разные капиталисты и т.д. Между прочим, какая идеология является ложной и какая правильной? Если всякая создает свой стереотип, на который она направляет либо эмоции преданности, либо эмоции ненависти, то всякая идеология несправедлива.

Шаф правильно указывает на то, что проблема дифференцирования стереотипа с точки зрения познания — совершенно банальна, но в идеологической сфере она наталкивается на сильнейшее сопротивление каждой воинствующей идеологии. «Так как мобилизация к борьбе требует единого боевого и полного ненависти отношения к противнику, не допускающего никаких исключений и дифференцирования в оценке».⁷⁾ Это вполне правильное замечание. Идеология не заинтересована в истине, она заинтересована в возбуждении эмоций ненависти по отношению к противнику. Мы это видели на примере многих идеологий и, прежде всего, на коммунистической идеологии. Шаф, конечно, говорит об идеологии социалистического гуманизма, заключающей в себе ценность братства. Но на практике мы, к сожалению, этого братства пока еще не видели.

Если мы уж коснулись темы «социалистического гуманизма», то надо отметить, что на конгрессе этой теме был посвящен целый коллоквиум. Не стоит повторять того, что на эту тему говорили советские марксисты. Все их пропагандные тезисы, ничуть не совпадающие с действительностью, нам хорошо известны. Гораздо более интересен доклад одного западного философа на эту тему, а именно американского профессора Джорджа Клейна. Он поставил вопрос, был ли Маркс этическим гуманистом? Т.к. многие протестующие против сталинизма продолжают ссылаться на Маркса, то интересно поставить себе и этот вопрос. Клейн разделяет гуманизм на две категории, на «гуманизм идеала» и «гуманизм принципов». Первый ориентируется на будущее, второй на настоящее. «Только гуманизм принципов, направленный на защиту истинной ценности живого индивидуума, заслуживает на-

²⁾ Akten, B. I, стр. 299, цитаты даны в переводе с немецкого языка.

³⁾ Стр. 299

⁴⁾ Стр. 302

⁵⁾ Стр. 304

⁶⁾ Стр. 305

⁷⁾ Akten, B. I, стр. 321, перевод с нем. яз.

звание «этического гуманизма».⁸⁾ Маркс не был таким гуманистом. Он признавал «гуманизм идеала» для будущего, но не «гуманизм принципов» для настоящего. Такой «гуманизм» легко жертвует конкретными живыми людьми настоящего во имя будущих поколений. Маркс не только отвергал существование какой-либо истинной ценности конкретного живого индивидуума, его неизменных прав или присущего ему достоинства, но он считал «так называемые права человека» выражением буржуазной идеологии, эгоцентричной и антисоциальной («К еврейскому вопросу», 1843 г.). Ценность он признавал только за продуктивными индивидуумами коммунистического будущего. «Направленный на будущее гуманизм идеала Маркса ведет естественно к ленинизму, а ленинизм превращается в сталинизм. Только ориентированный на настоящее этический гуманизм, гуманизм принципов, может эффективно предотвратить антигуманные стремления на службе гуманистическому идеалу».⁹⁾ Клейн считает, что между Марксом и Ницше с его сверхчеловеком будущего больше общего, чем обычно полагают. Это очень интересная и, вероятно, правильная мысль. Не случайно так много общих черт между коммунизмом и национал-социализмом.

Целое пленарное заседание на этом конгрессе было посвящено проблеме свободы как ответственности так и решения. По этому вопросу выступали многие философы свободного мира. Но тема эта сама по себе настолько обширна, что ее невозможно вместить в данную статью. Может быть, о ней можно будет поговорить как-нибудь отдельно.

Точно также, может быть, удастся позже коснуться отдельно проблем естественных наук и философии, которыми были посвящены два пленарных заседания.

Все заседания этого конгресса происходили, конечно, в напряженной атмосфере, созданной оккупацией Чехословакии. На некоторые моменты, связанные с этой проблемой, было в статье уже указано. В заключение я хочу привести еще несколько событий, в связи с конгрессом.

Австрийская социалистическая молодежь потребовала от советских марксистов, чтобы они не ограничивались

теоретическими докладами, а объяснили свою практику, в первую очередь вторжение в Чехословакию. Они указывали советским марксистам на то, что по их же мнению теория и практика тесно связаны друг с другом и практика является критерием для теории. Так вот, пусть они объяснят, как понимают их грубую, насильническую практику в Чехословакии. Но советские марксисты все время ссылались на то, что это чисто философский конгресс, который должен заниматься одной теорией, а практика тут не при чем. Они совершенно забыли свое же собственное подчеркивание практики и слова Маркса о том, что философы достаточно объясняли мир и что его теперь должно изменить. Они не хотели даже попытаться объяснить социалистическим студентам, что означает их насильственное «изменение» мира в Чехословакии. Больше того, они пытались спрятаться от этой социалистической молодежи за спину столь ненавистного им «буржуазного» австрийского правительства и руководства конгресса, и взывали к «защите порядка». Все это производило довольно жалкое впечатление.

В конце конгресса было еще заседание американского и немецкого общества, которое последние годы стремилось вести диалог с коммунистами. Председатель немецкого общества Келлер, который еще недавно горячо стоял за диалоги с марксистами, в том числе и советскими, сказал теперь, что при данных обстоятельствах с советскими коммунистами нельзя больше вести никаких диалогов.

Ответил на это руководитель советской делегации академик Федосеев. Он произнес длинную речь по-русски, которой почти никто из присутствующих не понял. Ее переводил один из его коллег на английский язык, но т.к. под конец конгресса очень многие иностранные участники конгресса уже разъехались и присутствовали преимущественно австрийцы, то и английский перевод был многими не понят. Федосеев самоуверенно и дерзко сказал, что его не очень огорчает то, что с советскими марксистами больше никто не хочет вести диалога. Это ничего, сказал он, одни уйдут, другие придут, так всегда бывает в жизни. Может быть, Федосеев и прав: сила привлечет новых путчиков. Но высказывания Федосеева ясно показали, что ставка советских вождей — только на ничем не прикрытую, циничную, физическую силу.

⁸⁾ Akten, B. II, стр. 70

⁹⁾ Стр. 70, перевод с англ. яз.

ПЕТР ИВАНОВСКИЙ

Церковь и Октябрь

Октябрьская революция представляет собою не только переломный пункт в истории русского государства; она означает также и полную перемену положения Русской Церкви. Вся история Русской Церкви до этого времени была ее историей в православном государстве. Хотя некоторые монархи или их правительства и бывали весьма мало христианскими по своим убеждениям и своему образу действия, но в принципе русское государство на всем протяжении своего существования до 1917 года было государством православным и православие являлось в нем первенствующим, господствующим вероисповеданием.

С октября 1917 года во главе революционного правительства стали люди не только открыто атеистически настроенные, но и не скрывавшие своего явно отрицательного, враждебного отношения ко всякой религии вообще и к православию в особенности. Такая резкая перемена ситуации не могла не отразиться самым решительным образом на взаимоотношениях церкви и государства в России. Если прежняя государственная власть (до февраля 1917 г.) в известной степени и стесняла Русскую Церковь в ее свободе, то в то же время она ее и очень сильно защищала и охраняла от всяких враждебных ей сил. Несмотря на это, среди русских православных кругов с на-

чала 20 века замечалось сильное течение за освобождение церкви от государственной опеки, в особенности за прекращение ее формального подчинения государству, осуществлявшегося путем введенной Петром Великим синодальной структуры церкви, в результате которой церковь попала — по крайней мере с 30 гг. 19 века — в полную зависимость от обер-прокуроров.

Эти стремления, направленные на восстановление насильственно упраздненного Петром Великим патриаршества, и таким образом создание значительно более независимого положения Церкви от государства, разделялись многими представителями духовенства. Главным борником этой идеи был архиепископ Вольнский Антоний (Храповицкий), бывший впоследствии митрополитом Киевским и главою Русской Православной Церкви за рубежом.

Само собою разумеется, что тенденция русских церковных кругов освободиться от опеки даже православного государства, должна была значительно усилиться, когда это государство оказалось в руках воинствующих атеистов. В то время, когда происходила Октябрьская революция, в Москве заседал Всероссийский Поместный Собор, который должен был решить вопрос о новой форме церковного управления. Буквально под грохот канонады, во

время уличных боев в Москве, в громадном московском соборе Храм Христа Спасителя (снесенном в 1931 г.) произошел выбор патриарха Московского и всея Руси. 5 ноября (старого стиля) 1917 года в патриархи был избран Московский митрополит Тихон (Белавин), весьма уважаемый и любимый всеми иерарх, человек истинного благочестия, доброжелательный ко всем и чуждый какой-либо политики. Патриарх Тихон был прежде всего исполнен заботы о спасении душ вверенных ему православных христиан. Необходимым условием для сохранения церковью своего влияния на верующих было отстаивание ею своей свободы, своей независимости от новых правителей, стоявших под знаменем воинствующего безбожия. Поскольку религия в их глазах являлась опиумом для народа, то с их точки зрения было лишь логично, что они стремились ее уничтожить. Хотя антирелигиозная пропаганда в Сов. России с самого начала и до наших дней велась и ведется на весьма низком и примитивном уровне, все же ей нередко удавалось посеять сомнения в душах верующих. Патриарх чувствовал себя обязанным предупредить свою паству о грозящих опасностях, предостеречь верующих от слишком близкого общения со сторонниками воинствующего атеизма. Этими соображениями, а отнюдь не соображениями политического характера, и были вызваны его выступления с резкими обличениями правящих атеистов и с решительными предупреждениями верующих в отношении их.

«Тяжкое время переживает ныне святая Православная Церковь Христова в русской земле», — писал патриарх Тихон в своем послании от 19 января 1918 года. «Гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани. . .

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню гееннскому в жизни будущей загробной и страшно-му проклятию потомства в жизни настоящей — земной.

Власти данной нам от Бога запрещаем вам приступить к тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение...

Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоинством силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою вашею, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права именовать себя поборниками народного блага... ибо действуют прямо против совести народной. А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания. . .

А вы, братие, архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту прав Церкви Православной, немедленно устраивайте духовные союзы, зовите не нуждой, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силою внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою креста Христова».

В таких выражениях обличал патриарх Тихон борьбу советской власти против христианства в России и ее другие действия, направленные во вред населению России. Подобные же выражения можно было найти и в ряде других посланий святейшего патриарха Тихона в первые годы его управления Церковью, в частности и в его послании к первой годовщине Октябрьской революции 25 октября 1918 г.

Чрезвычайно трудно было его положение во время гражданской войны, разорвавшей Россию на две части, порвавшие между собою всякое общение. Патриарх не мог и не должен был стать на сторону лишь одного лагеря и по-

забыть чад Церкви, находившихся в другом. Он этого никогда и не сделал. Его архипастырская любовь распространялась на все население России. Но несмотря на это, кремлевские правители не прекращали считать его своим злейшим политическим врагом, верным союзником и помощником белых и обвинять его во всевозможных политических преступлениях. Невероятное мужество должен был иметь патриарх, чтобы находясь в красной Москве, в центре коммунистической России, во время кровавой, братоубийственной гражданской войны, бросать в лицо правителям обличения в творимых ими делах. Подобно тому, как некогда святитель Филипп, митрополит Московский, бросал в лицо Грозному свои обличения, бичевал и святейший патриарх Тихон деяния еще более жестоких правителей. Результатом этих обличений было длительное заключение патриарха в 1922 и 1923 гг.

Если по выходе из заключения патриарх и не повторял своих смелых слов, то он все же не был сломлен и еще накануне своей смерти (25 марта 1925 г.) решительно отверг предложенный ему представителем правительства проект воззвания к верующим, опубликованный советско-югославский журнал «Культура» после его смерти под видом «завещания патриарха Тихона».

Русская Православная Церковь сказала устами патриарха Тихона все, что она должна была сказать в первые годы после революции. После его кончины для Русской Церкви настали еще более страшные потрясения. Она замолкла надолго, а когда вновь обрела голос, то в нем уже слышалось нечто новое, совсем отличное от того, что возглашал в свое время приснопамятный патриарх Тихон.

Только тот, кто знает весь крестный путь Русской Православной Церкви и душевные страдания ее иерархии, сможет постичь всю трагедию ее современного положения.

Да поможет Господь Бог России! Да поможет Господь Бог Русской Православной Церкви!

Послание Патриарха Тихона

К 25 октября 1918 г. — по поводу годовщины владычества
большевиков.

25 октября исполнилось 50 лет со дня опубликования послания Патриарха Тихона к первой годовщине Советской власти. Это послание было прочитано во всех православных храмах России. Послание полное любви к России и русскому народу не потеряло своей актуальности и сегодня.

«Вси, взявши меч,
мечем погибнут».

(M. 26. 52)

Это пророчество Спасителя обращаем Мы к Вам, нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя «народными» комиссарами. Целый год держите Вы в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции, но реками пролитая кровь братьев наших, безжалосно убитых по Вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает Нас сказать Вам горькое слово правды:

Захватывая власть и призывая народ довериться Вам, какие обещания давали Вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине Вы дали ему камень вместо хлеба, а змею вместо рыбы (М. 7,9 — 10).

Народу, изнуренному кровопролитной войной, Вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться Вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже Вы сами не решились обнародовать полностью?

Вместо аннексий и контрибуций, великая наша родина сама завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани Вы тайно вывозите в Германию не Вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставив защиту родины, бежать с полей сражений. Вы угасили в сердцах воодушевляющее их сознание, что «больше сия любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя» (Иоан. 13,15). Отечество Вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защищать родину от внешних врагов, Вы, однако, беспрерывно набираете войска.

Против кого Вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову Вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной Вами войне, так как Вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку: мировой революции.

Не России нужен был заключенный Вами позорный мир с внешним врагом, а Вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности, все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела, хватают сотни беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, Вами введенного, суда. Казнят не только тех, которые перед Вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед Вами заведомо ни в чем невиновны, и взяты лишь в качестве «заложников»; этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами, не только им не единомысленными, а часто Вашими же сторонниками или близкими Вам по убеждениям. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не повинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюционности». Бесчеловечная жизнь отягчается для православных хищением последнего предсмертного утешения — напутствия Св. Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Не есть ли все это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества, и, будто бы, сами когда-то много претерпели от жестоких властей.

Но Вам мало, что Вы обагрили руку русского народа его братскою кровью: прикрываясь различными названиями контрибуций, реквизиций и национализаций, Вы толкнули его на самый открытый и беззащитный грабеж.

По Вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот; грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом, под именем «кулаков» стали уже грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя Вы не можете не сознавать, что разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется самая страна. Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, Вы отуманили его совесть и заглушили в нем сознание греха, но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, — убийство, насилие и грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отомщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу.

Великое благо свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы Вы и не дали; во всяком потворстве низменным страстям толпы, в безнаказности убийств и грабежей, заключается

дарованная Вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человека подавлены Вами беспощадно! Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитания, нанять квартиру, переехать из города в город? Это ли свобода, когда семьи, а иногда население целых домов, выселяется и имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и на разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения подпасть под обвинение в контрреволюции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже не заплатили ли своею кровью, кровью мученичества, многие смелые церковные проповедники? Голос общественного и государственного осуждения заглушен, печать, кроме узко-большевицкой, задумана совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах Вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями Алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и домов-церквей без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины — приход, уничтожаете братства и другие церковно-благотворительные и просветительные учреждения, разгоняете церковно-епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление православной церкви, выбрасываете из школ священные изображения, запрещая учить в школах детей вере. Вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи. «И что еще скажу? Не достанет Мне времени», (Евр. 11, ст. 32), чтобы изобразить все те беды, какие постигли Родину нашу. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревнях. Все это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время Вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и напечатлев в нем образ зверя. Сбываются слова пророка: «Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; мысли их — мысли нечестивые, опустошения и гибель на стезях их» (Ис. 59, 7).

Мы знаем, что Наши обличения вызовут в Вас только злобу негодования, что Вы будете искать в них лишь повода для обвинения Нас в противлении власти; но чем выше будет подыматься «столб злобы» вашей, тем вернейшим будет это свидетельством справедливости наших обличений.

Не наше дело судить о земной власти: всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя наше благословение, если бы она во истину явилась «Божием судом» на благо подчиненных, и была «страшна не для добрых дел, а для злых». (Рим. 13,3-4).

Ныне же к Вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры, обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междусобойной брани. А иначе взыщется от Вас всякая кровь праведная, Вами проливаемая (Лук. 11,51) и от меча погибнете сами Вы, взявшие меч. (М. 26, 52).

ТИХОН, Патриарх Московский и всея России.

С. П. МЕЛЬГУНОВ

Убийство царской семьи*)

1. Ночь ужаса

Мы не будем воспроизводить подробно, по данным следствия, позорного зрелища бойни беззащитных людей, которую устроили екатеринбургские фанатики в ночь с 16 на 17 июля в подвале дома Ипатьева. Эту кошмарную потаенную расправу с царской семьей и с близкими ей людьми могли совершить лишь те, кто в момент своего действия потеряли человеческий облик. Безобразная обстановка, в которой совершен был «революционный» акт, не дает возможности даже поставить вопрос: «оправдает ли история такое убийство»?... Такой вопрос впоследствии поставил себе небезызвестный Беседовский, слушая в Варшаве пьяную исповедь полпреда Войкова о его участии в екатеринбургском «историческом акте». Уже тогда Беседовский, состоявший еще в рядах ответственных большевистских деятелей, не мог, по его словам, отрешиться от тягостного впечатления подавленности, которую навеял на него рассказ убийцы, ибо ничего героического не было в «работе мясников».

Как ни отнестись к этому рассказу человека, сидевшего с «красными воспаленными глазами», с «мутным взглядом» в обстановке быстро опустошаемой «батареи коньяковых, ликерных бутылок», все же это единственный рассказ, который мы имеем со стороны непосредственного и ответственного участника екатеринбургских событий. Рассказывая все «строго конфиденциально» (по постановлению политбюро была взята «формальная подписка» молчать о происшедшем), Войков в руках держал «кольцо с рубином, переливающимся цветом крови» — он его взял в Екатеринбурге в Ипатьевском доме после расстрела царского семейства.

Оставим пока в стороне то, что Войков говорил о роли, сыгранной центральной властью в решении судьбы царской семьи — может быть это самое важное, но как раз здесь возникают и наибольшие сомнения. Первоначально воспроизведем ту часть повествования, где изображается сцена в ночь на 17 июля, о которой было «прямо стыдно рассказывать, как все это происходило». При разработке вопроса о «проведении расстрела» в екатеринбургском комитете партии Белобородов предложил «следующий план»: «инсценировать похищение и увоз семьи, кроме царя, и увезенных тайно расстрелять в лесу, близ Екатеринбурга. Бывшего царя расстрелять публично, прочитав приговор с мотивировкой расстрела». Однако, Голощенок возражал против этого проекта, считая, что инсценировку будет очень трудно скрыть. Он предложил расстрелять всю семью за городом, в лесу, побросав трупы в одну из шахт, объявив о расстреле царя и о том, что «семья переведена в другое, более надежное место». Тут Войков начал рассказывать подробно ход прений в областном комитете партии по этому вопросу. Он лично выступал против обоих проектов, предлагая вывести царское семейство до ближайшей полноводной реки и, расстреляв, потопить в реке, привязав гири к телам. Он считал, что его проект был самым «чистым»: расстрел на берегу реки с прочтением приговора и затем «погребение тел с погружением в воду». Войков считал, что такой способ «погребения» явился бы вполне нормальным и не дискредитирующим проведенное в жизнь революционное мероприятие. В результате прений областной комитет принял постановление о расстреле царской семьи в доме Ипатьева и о последующем уничтожении трупов. В этом постановлении указывалось также, что состоявшие при царской семье доктор, повар, лакей, горничная и мальчик-поваренок «обrekli себя к смерти и подлежат расстрелу вместе с семьей».

Выполнение постановления поручалось Юровскому, коменданту Ипатьевского дома. При выполнении должен был присутствовать в качестве делегата областного комитета Войков. Ему же, как естественнику и химику, поручалось разработать план полного уничтожения трупов. Войкову поручили также прочитать царскому семейству постановление о расстреле, с мотивировкой, состоящей из нескольких строк, и он, действительно, разучивал это постановление наизусть, чтобы прочитать его возможно более торжественно, считая, что тем самым он войдет в историю, как одно из главных действующих лиц этой трагедии. Юровский, однако, желавший также «войти в историю», предупредил Войкова и, сказав несколько слов, начал стрелять. Из-за этого Войков его смертельно возненавидел и отзывался о нем всегда как о «скотине, мяснике, идиоте» и т.п. Вопрос о том, каким оружием действовать, также подвергся тщательному обсуждению. Решили расстреливать из револьверов, так как ружейные залпы были бы далеко слышны и привлекли бы внимание жителей Екатеринбурга.

В ночь под 17 июля Войков явился в дом Ипатьева в 2 часа ночи вместе с председателем Чрезвычайной комиссии Екатеринбурга. Юровский доложил им, что царская семья и все остальные уже разбужены и приглашены сойти вниз в полуподвальную комнату, откуда должна произойти их дальнейшая отправка. Им объявлено, что в Екатеринбурге тревожное настроение, с часа на час ожидается нападение на ипатьевский дом и что поэтому необходимо для безопасности сойти в полуподвальную комнату. Царское семейство сошло вниз в 2 часа 45 минут (Войков смотрел на свои часы). Юровский, Войков, председатель Екатеринбургской чеки и латыши из чеки расположились у дверей... Члены царской семьи имели спокойный вид. Они, видимо, уже привыкли к подобному рода ночным тревогам и частым перемещениям. Часть из них сидела на стульях, подложив под сидения подушки, часть же стояла. Бывший царь подошел несколько вперед по направлению к Юровскому, которого он считал начальником всех собравшихся, и, обращаясь к нему, спокойно сказал: «Вот мы и собрались, теперь что же будем делать?» В этот момент Войков сделал шаг вперед и хотел прочитать постановление Уральского областного совета, но Юровский предупредил его. Он подошел совсем близко к царю и сказал: «Николай Александрович, по постановлению Уральского областного комитета вы будете расстреляны с вашей семьей». Эта фраза явилась настолько неожиданной для царя, что он совершенно машинально сказал: «Что?» и хлопнув каблуком, повернулся в сторону семьи, протянув к ним руки. В эту минуту Юровский выстрелил в него почти в упор несколько раз, и он сразу же упал. Почти одновременно начали стрелять все остальные, и расстреливаемые падали один за другим, за исключением горничной и дочерей царя. Дочери продолжали стоять, наполняя комнату ужасными воплями предсмертного отчаяния, причем пули отскакивали от них. Юровский, Войков и часть латышей подбежали к ним поближе и стали расстреливать в упор, в голову. Как оказалось впоследствии, пули отскакивали от дочерей бывшего царя по той причине, что в лифчиках у них были защиты брильянты, не пропускавшие пуль. Когда все стихло, Юровский, Войков и двое латышей осматривали расстрелянных, выпустив в некоторых из них еще несколько пуля или протыкали штыками двух принесенных из комендантской комнаты винтовок. Войков рассказал мне, что это была ужасная картина. Трупы лежали на полу в кошмарных позах, с обезображенными от ужаса и крови лицами. Юровский этим, однако, не смущался. Может быть вследствие своей фельдшерской специальности и привычки к крови он хладнокровно осматривал трупы и снимал все драгоценности. Войков также начал снимать кольца с пальцев, но,

*) С. Мельгунов. «Судьба Императора Николая II после отречения». Париж, издат. «Возрождение», 1951 г., 422 стр.

когда он притронулся к одной из царских дочерей, повернув ее на спину, кровь хлынула у нее изо рта и послышался при этом какой-то странный звук. На Войкова это произвело такое впечатление, что он отошел совершенно в сторону. Через короткое время после убийства трупы убитых стали выносить через двор к грузовому автомобилю, стоявшему у подъезда. Сложив трупы в автомобиль, их повезли за город, на заранее подготовленное место у одной из шахт. Юровский ехал с автомобилем. Войков же остался в городе, так как он должен был приготовить все необходимое для уничтожения трупов. Для этой работы были выделены 15 ответственных работников Екатеринбургской и Верхне-Исетской партийных организаций. Они были снабжены новыми остроконечными топорами, такими, какими пользуются в мясных лавках для разрубания туш. Помимо того, Войков приготовил серную кислоту и бензин. Уничтожение трупов началось на следующий же день и велось Юровским под руководством Войкова и наблюдением Голощекина и Белобородова, несколько раз приезжавших из Екатеринбурга в лес. Самая тяжелая работа состояла в разрубании трупов. Войков вспомнил эту картину с невольной дрожью. Он говорил, что когда эта работа была закончена, возле шахт лежала громадная кровавая масса человеческих обрубков, рук, ног, туловищ и голов. Эту кровавую массу поливали бензином и серной кислотой и тут же жгли двое суток подряд. Взятых запасов бензина и серной кислоты не хватило. Пришлось несколько раз подвозить из Екатеринбурга новые запасы и сидеть все время в атмосфере горелого человеческого мяса, в дыму, пахнувшем кровью...

Это была ужасная картина, закончил Войков. Мы все, участники сожжения трупов, были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский, и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще таких несколько дней и он сошел бы с ума.¹⁾ Под конец мы стали торопиться. Сгребая в кучу все, что осталось от сожженных остатков расстрелянных, бросили в шахту несколько ручных гранат, чтобы пробить в ней никогда не тающий лед и побросали в образовавшееся отверстие кучу обожженных костей. Затем мы снова бросили с десяток ручных гранат, чтобы разбросать эти кости основательнее, а наверху на площадке возле шахты мы перекопали землю и забросали ее листьями и мхом, чтобы скрыть следы костра...

Беседовский «сидел подавленный рассказом Войкова». Таково было его непосредственное впечатление. Но и теперь, через много лет, с чувством только морального ужаса перелистываешь страницы зафиксированной в воспоминаниях Беседовского ночной беседы в Варшавском полпредстве, которая воспроизведена им, очевидно, не без влияния уже опубликованного текста дознания следователя Соколова.

Умом понять не всегда возможно действия екатеринбургских палачей. Почему, обсуждая разные проекты скрытия следов убийств, они остановились на сложных манипуляциях в заброшенных шахтах «Ганиной ямы» в урочище «Четырех братьев»? Не могли же организаторы убийства действительно думать, что таким путем они добьются того, что мир никогда не узнает, что они сделали с царской семьей? — так будто бы болтал еще в Екатеринбурге в советском дамском обществе будущий посол в Варшаве. Еще меньше логики в версии, что они полагали избежать появления самозванцев, ибо таинственная обстановка вокруг урочища «Четырех братьев» должна была лишь создать атмосферу легенд и мифов. «Решения уничтожить трупы были приняты в связи с ожидаемой сдачей Екатеринбурга, чтобы не дать в руки контр-революционеров возможности с «мощами» бывшего царя играть на темноте и невежестве народных масс» — пишет советский историк «Последних дней Романовых». И это натя-

нутое объяснение «предусмотрительности» екатеринбургских политиков явно не придумано.

*

За страшной ночью на 17 июля последовало почти столь же гадкое и безобразное в ночь на 18 в Алапаевске, куда переселены были на жительство в. кн. Елизавета Федоровна с двумя сестрами московской Марфо-Мариинской Общины, в. кн. Сергей Михайлович, сыновья в. кн. Константина Константиновича — Игорь, Иоанн и Константин, кн. В. Палей и их служители. Они помещались на краю города в здании «Напольной школы» под охраной караула из 6 красноармейцев и пользовались относительной свободой, работали в огороде, могли гулять в прилегающем поле и ходить в церковь. 21 июня жизнь заключенных резко изменилась: удалены были все служащие, за исключением «сестры» Яковлевой при Елизавете Федоровне и слуги Сергея Михайловича — Ремезы, конфисковано имущество и установлен «тюремный режим».

17 июля в школу прибыл чекист Старцев с группой «большевиков», сменил красноармейскую стражу и заявил, что все арестованные будут ночью переведены в Верхне-Снильчешский завод. Ночью был инсценирован побег заключенных. Около здания школы слышались взрывы гранат и ружейные выстрелы. Были по тревоге вызваны из казарм красноармейцы, рассыпаны цепью около школы, но оказалось, что «белогвардейцы увезли на аэроплане заключенных». Рано утром алапаевский исполком телеграфировал в Екатеринбург, что «банды неизвестных людей напали на школу. Князьям и прислуге удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев, банды бежали по направлению к лесу. Задержать не удалось. Розыск продолжается». Аналогичная телеграмма была послана Белобородовым в Москву и Петербург и напечатана в пермских «Известиях».²⁾

Свидетели впоследствии рассказали, что через несколько дней в городе стали говорить, что комиссары обманывают народ, сочинив басни о похищении князей, и что на самом деле князья ими убиты. Характерно, что в официальной телеграмме о похищении Елизаветы Федоровны не было сказано. Народная молва целиком подтвердилась: тела всех заключенных в «Напольной школе» были обнаружены в глубине одной из старых шахт местного рудника. По медицинско-полицейскому осмотру трупов было установлено, что увезенные были «зверски» убиты, так как за исключением Сергея Михайловича, на теле которого были обнаружены огнестрельные поранения, все остальные были брошены в шахту живыми — затем шахта была взорвана гранатами.

Кто совершил это преступление? Следствие ответило: екатеринбургские и алапаевские убийства — «продукт одной воли, одних лиц». Соколов цитирует показание арестованного чекиста Старцева, заявившего, что алапаевские убийства произошли «по приказанию Екатеринбурга», и что для руководства ими оттуда приезжал специально Сафаров, член Уральского областного совета и редактор «Уральского рабочего».

И у Соколова, и у Дитерихса приведен один важный документ, разобрать который в деталях нам еще предстоит. Он был оставлен среди других бежавшими «в панике» из Екатеринбурга большевистскими властями. Это подлинник телеграфной ленты переговоров 20 июля председателя ВЦИКа с неуказанным в ленте лицом Екатеринбурга. По мнению Соколова это был Голощеков, по мнению Дитерихса — Белобородов. В конце концов последнее не важно — оба были связаны с центром и занимали

¹⁾ Повидимому Юровский и закончил свои дни в доме для сумасшедших.

²⁾ Телеграмма отмечает жертвы с обеих сторон. Следствие установило, что мнимый «бандит», труп которого был найден у школы после увоза заключенных, оказался местным крестьянином, задержанным за несколько дней перед тем алапаевской чекой.

ответственные посты. Но Соколов отбросил начало телеграфной ленты, имевшее непосредственное отношение к событиям в Алапаевске. Беседа Москвы и Екатеринбурга начинается с запроса Свердлова: «Прежде всего сообщите, работа Алапаевска дело рук «Комисл» или нет?» Ответ: «Сейчас об этом ничего не известно. Производится расследование». Свердлов: «Необходимо немедленно запросить Мотовилиху и Пермь. Примите меры скорейшему оповещению нас». Этот разговор как будто не позволяет связать непосредственными узлами события в Екатеринбурге с алапаевским происшествием. Загадка лежит в особой деятельности «Комисл» — партийной следственной комиссии, заседавшей в Перми и состоявшей из левых элементов коммунистической партии. К ней должен был быть близок Сафаров. Участник этой пермской комиссии за месяц перед тем, в ночь с 12 на 13 июня, устроил тайное похищение в. кн. Михаила — как прообраз того, что совершилось 18 июля в Алапаевске. По этому адресу и направляет внимание своего собеседника Свердлов, знавший, очевидно, подлинную подоплеку пермского «побега».

Обратимся и мы к событию, происшедшему в Перми и так тесно связанному с екатеринбургской и алапаевской драмами.

2. Пермское злодеяние

Пермского дела сибирское следствие коснулось лишь слегка. На основании рассказа камердинера Императрицы Волкова, оказавшегося в заключении в Перми в одной тюрьме с камердинером в. кн. Михаила Чельшевым, Соколов восстановил более или менее картину увоза ночью на 13 июня из «Королевских номеров» великого князя и секретаря его Джонсона, и организации за ними фиктивной «погоны». По данным расследования Соколова, в. кн. Михаил и Джонсон увезены были «пермскими чекистами» на соседний с Пермью Мотовилихинский завод, где и были убиты (тела их были «там же, видимо, сожжены»). После этого был распространен слух, что великий князь увезен «монархистами». В «Пермских известиях» напечатано было объявление: «В ночь на 31 мая организованная банда белогвардейцев с поддельными мандатами явилась в гостиницу, где содержался Михаил Романов и его секретарь Джонсон, и похитила их оттуда, увезя в неизвестном направлении. Посланная в ту же ночь погоня не достигла никаких результатов. Поиски продолжаются».

«Пермское злодеяние» подробно рассказано Ганом (Гутманом) на основании официальных документов и показаний свидетелей-очевидцев, опрошенных в разное время военными властями, прокуратурой и лично автором («Возрождение», январь 1932 г.). «Все свидетельства — говорит автор — мною тщательно проверены». К сожалению, однако, работа Гана не стоит по своим исследовательским методам на должной высоте; весьма не отчетливое использование документов, сливающее личное толкование с самим текстом документа, совершенно обесценивает анализ, который делает автор, а главное, за документальные данные подчас выдаются свидетельские предположения, распространенные слухи и собственные догадки.

На основании свидетельских показаний можно, пожалуй, установить с очевидностью, что в. кн. Михаил Александрович и Джонсон были убиты во время обстрела со стороны «погоны» теми людьми, которые их увезли, и что тело Джонсона тут же в лесу было закопано, а труп Михаила Александровича был отвезен на Мотовилихинский завод и сожжен в плавильной печи. С несомненностью явствует и то, что всем предприятием руководил председатель местного областного комитета, «левый» коммунист Мясников, будущий возглавитель так называемой «рабочей оппозиции». Он сам в этом признается в своей оппозиционной брошюре (21 г.): «если я хожу на воле, то потому, что я коммунист пятнадцать лет... и ко всему тому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было... где был бы? В Чеке или больше того: меня бы «бежали», как

некогда я «бежал» Михаила Романова, как «бежали» Розу Люксембург и Либкнехта».

По завершении кровавого акта, Мясников шифрованной телеграммой уведомил Ленина и Свердлова о выполнении «московской директивы» — сообщил и Белобородову в Екатеринбург. Вновь это лишь догадка того, кто обследовал «пермское злодеяние» — догадка, выданная им за факт как бы несомненный. На деле все взаимоотношения организаторов убийства с центром пока еще остаются по меньшей мере тайной. Официальная советская историография (она представлена книгой Быкова) стоит на том, что расстрел «Михаила Романова» учинен тайной группой рабочих Мотовилихи под руководством Мясникова, не связанной «ни с партийными, ни с советскими организациями» и действовавшей «на собственный страх и риск». Эта группа «с подложными документами Губчека» в ночь с 12 на 13 июня явилась в гостиницу на Сибирской улице и предъявила М. А. документ о «срочном выезде из Перми». Так как М. А. отказался следовать за ними, то пришлось объявить, что они увезут его силой. Хотя Джонсон не входил «в планы группы», однако, в виду заявления его, что он последует за М. А., чтобы «не задерживаться в номере, решено было взять его». Арестованных повезли по тракту к Мотовилихе и, свернув в шести верстах от завода, в лесу расстреляли «Михаила Романова». После этого, чтобы скрыть следы, телефонировали в милицию и Чр. Ком. об «увозе неизвестными лицами Михаила Романова по направлению Сибирского тракта», то есть в направлении противоположном, чем то было в действительности.

«Похищение это было полной неожиданностью для всех организаций Перми» — заключает Быков. Представляется очень правдоподобным, что группа «левых» коммунистов по собственной инициативе предприняла уничтожение главного кандидата на вакантный престол. Писатели антибольшевицкого лагеря всегда подчеркивают провокационный характер сообщений тогдашних советских и партийных (большевицких и лево-эсеровских) органов печати о готовящейся реставрации с возведением на престол Михаила Александровича. В конце мая, в связи с началом чехословацкого выступления, такие статьи не раз появлялись в уральской прессе — в частности в «Пермских известиях». Поскольку речь шла о «конкретном манифесте», провозглашавшем Михаила «царем», конечно это была грубая демагогия. Деникин, однако, вспоминает, что тогдашняя молва действительно настойчиво связывала чехов с именем великого князя; поскольку речь шла о реставрационных возможностях, поставленных на очередь дня, это, как мы уже видели, до известной степени соответствовало действительности, — Михаил Александрович был главным кандидатом — не для немцев и правых, а для всех конституционных монархистов того времени, то есть кругов общественно авторитетных. Сам Михаил Александрович был, очевидно, достаточно осведомлен об этих тенденциях и настроениях — по крайней мере королева Сербская Елена Петровна сообщала своему приближенному Смирнову, что М. А., решительно отказываясь от занятия престола, готов был «диктатором». Кто знает, не могло ли быть что-нибудь сказано неосторожным конспиратором в каких-либо перехваченных письмах? На этой почве и могла родиться мысль об убийстве того, кто мог явиться реальной опасностью для «революции». Но очень сомнительно, чтобы тайная группа, возглавляемая Мясниковым, ограничилась лишь «рабочими с Мотовилихи» и не была ничем связана ни с «партийными», ни с «советскими» организациями, особенно при той роли, какую, по всеобщему мнению, играл Мясников в пермской Ч. К. Чекист Бородулин показывал, что в «тайну великого князя» не был посвящен даже председатель Ч. К. По неисповедимым путям чекистское око оказалось в нетях, когда ночью, как утверждает официальная версия, или под вечер, по версии свидетелей, в «Королевские номера» явились «какие-то неизвестные люди и увезли Михаила Романова». Несомненно, в последних числах мая, в связи

с внешними событиями, наблюдение над «Королевскими номерами» должно было усиливаться. В ночь на 13 июня внешний чекистский надзор отсутствует — так следует из показаний всех решительно свидетелей. Одно это уже заставляет думать, что комедия, разыгранная в «Королевских номерах» была предварительно разработана и подготовлена в недрах Ч. К. Произошло все может быть не так грубо, как изображает Ган, ибо в его изложении исчезают все следы какой либо скрытности — так Мясников с пьяными, воспаленными глазами «метался по городу как угорелый, отдавая распоряжения»; «к шести часам вечера была снята внешняя и внутренняя охрана в гостинице; милиция была предупреждена, чтобы она не реагировала ни на какие заявления о налете на гостиницу». В довершение всего Мясников заранее решил местом трагического конца своего кровавого деяния сделать то «обычное место, где еженощно Ч. К. расстреливает, и где заранее были вырыты ямы, которыми можно было... воспользоваться». С такими целями будто бы была отсрочена на один день назначенная на эту дату казнь 28 человек.

Вероятно все это было не так, но «выкрасть» кандидата на престол, уже бывшего один день монархом и вверившего судьбу страны Учредительному Собранию, не помешали — это факт.

Шило в мешке утаить было невозможно. Уже на другой день — свидетельствовал позже на столбцах «Руля» один из пермяков — в городе разнеслись слухи, что М. А. обманом увезен с ведома Ч. К. Слухи не могли не дойти до Москвы, если в центре даже и не знали о роли, которую сыграл Мясников (конечно, под влиянием «требования рабочих»), и не получить здесь соответствующего толкования. Осведомленности, впрочем, помогла и болтовня самого пьянствовавшего Мясникова. Бывший секретарь большевизмского пермского комитета Карнаухов, показывая в Екатеринбурге следователю Соколову 2 июля 1919 г.: «Пришел как-то в наш комитет чекист Мясников, человек кровавый, озлобленный, вред ли нормальный. Он с кем-то разговаривал и до меня донеслась его фраза: «Дали бы мне Николая, я бы с ним сумел расправиться, как с Михаилом».

3. Московская директива

Между убийством вел. кн. Михаила Александровича и гибелью императора Николая II и его семьи прошел месяц. Лица, обследовавшие екатеринбургскую трагедию, не имели перед собой последующих объяснений большевизмских историков о роли, сыгранной центром в кровавых событиях на Урале; они стояли перед несомненным для них фактом убийства всей царской семьи и официальным заявлением советской власти в виде телеграммы «Пресс-бюро», напечатанным в московских «Известиях» 19 июля.

Вот оно: «На состоявшемся 18 июля первом заседании президиума ВЦИК советов председатель Свердлов сообщает полученное по прямому проводу сообщение от областного Уральского совета о расстреле бывшего царя Николая Романова. За последние дни столице красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд. В то же время был раскрыт заговор контр-революционеров, имевший целью вырвать из рук советов коронованного палача. В виду всех этих обстоятельств президиум Уральского Областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что и было приведено в исполнение. Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место. Документ о раскрытии заговора послан в Москву со специальным курьером. Сделав это сообщение, Свердлов напомнил историю перевода Романова из Тобольска в Екатеринбург, когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев, в целях устройства побега Романова. За последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа. Только разразившиеся сейчас события помешали осуществлению этого суда. Президиум,

обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Романова, постановил признать решение Областного Совета о расстреле Романова правильным. Затем председатель сообщил, что в распоряжении ВЦИК находится сейчас важный материал: документы Николая Романова, его собственноручные дневники, которые он вел до времени казни, дневники его жены, детей, переписка Романовых. Имеются, между прочим, письма Григория Распутина Романову и его семье. Все эти материалы будут разработаны и опубликованы в ближайшее время».

«Свердлов лгал, когда так говорил» — заключает Соколов — ибо уже 17 июля после 9 часов вечера на имя Горбунова пришла из Екатеринбурга шифрованная телеграмма Белобородова с сообщением о том, что произошло в Ипатьевском доме. Копия этой телеграммы попала в руки следствия, и надо отдать справедливость Соколову, он проявил большую энергию и искусство для того, чтобы добиться раскрытия смысла телеграммы первостепенной важности для истории екатеринбургской трагедии и обличения лживости официального советского сообщения. В расшифрованном виде телеграмма гласила: «Передайте Свердлову, что все семейства постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации». Такой текст определенно указывал, что в Москве или заранее уже знали, какая участь должна была постигнуть «главу», или этой телеграмме предшествовала другая, не оставившая следа в екатеринбургских документах, что маловероятно. Телеграмма была послана на имя секретаря Совнаркома Горбунова, следовательно то, что произошло в «доме особого назначения» не являлось последствием каких-то секретных личных сношений екатеринбургских палачей с председателем ВЦИК. Эта сторона не оставила внимания следователя, его более заинтересовала второстепенная сторона дела — опрометчивое хвастовство Свердлова, заявившего, что в распоряжении президиума ЦИК находятся «важные материалы» в виде собственноручных дневников царя и его семьи. «Свердлов торжествовал кровавую победу и в радости сердца опрометчиво похвастал тем, чем еще не обладал... Этой своей оплошностью он сам определил свое место: самого главного среди других соучастников убийства!» 18 июля Свердлов «не мог иметь у себя ни дневников, ни писем царской семьи». Эти «ценные документы были отправлены Свердлову с особым курьером. Им был Янкель Юровский, выехавший с ними из Екатеринбурга 19 июля».

Заключение следствия было слишком поспешно и не вытекало из текста сообщения «Пресс-бюро»: значительная часть дневника Николая II, переписка (в частности письма Распутина) и пр. до тобольского периода, давно уже находились в распоряжении власти, унаследовавшей их от Чрез. след. комиссии при Временном Правительстве. Следствие в свое распоряжение получило и другой документ — тот разговор Свердлова по прямому проводу 20 июля с неуказанным в ленте лицом из Екатеринбурга, который мы уже цитировали. На вопрос Свердлова: «Что у вас слышно?», неизвестный отвечал: «Положение на фронте несколько лучше, чем казалось вчера. Выясняется, что противник оголил весь фронт и бросил все силы на Екатеринбург, удержим ли долго Екатеринбург — трудно сказать. Принимаем все меры к удержанию. Все лишнее из Екатеринбурга эвакуировалось. Вчера выехал к вам курьер с интересующими вас документами. Сообщите решение ЦИК и можем ли оповестить население известным вам текстом». Свердлов отвечал: «В заседании президиума ЦИК от 18 постановлено признать решение Ур. Обл. Совдепа правильным. Можете опубликовать свой текст. У нас вчера во всех газетах было помещено соответствующее сообщение. Сейчас послал за точным текстом текста и передам его тебе». Слова вопрошавшего: «можем ли оповестить население известным вам текстом» и ответ Свердлова «можете опубликовать свой текст» для всех участников сибирского следствия были решающими; — скажем словами Булыгина: Москва заранее знала текст Екатеринбурга. Между тем, если оставаться строго в пре-

делах текста, переданного телеграфной лентой, то толкование может получиться иное. Когда Голощекин или Белобородов спрашивали разрешения на оповещение населения «известным вам текстом», то скорее всего здесь имелась в виду телеграмма 17-го, где говорилось, что «официально семья погибнет при эвакуации». Ответ Свердлова «можете опубликовать свой текст», допуская специальное опубликование в Екатеринбурге, отнюдь не санкционировал предложенный проект. Ведь это так ясно при сопоставлении предложенного в Москве текста с тем, что предлагал Екатеринбург: он уведомлял о гибели «всей семьи», а не только «главы»; в московском тексте категорически заявлялось, что жена и сын Николая отправлены в надежное место. О дочерях Москва молчала. Московский текст и был воспроизведен в екатеринбургской публикации 23 июля (21 он был объявлен Голощекиным на митинге).

Мы еще остановимся на том, как центральная власть в течение долгого времени пыталась скрыть факт расправы с семьей царя, факт, столь осложнивший взаимные отношения с германским правительством в критическое время, которое переживала советская власть. В сущности впервые пермское, екатеринбургское, алапаевское злодеяния раскрыты были в статье Быкова, помещенной в 21 году в сборнике «Рабочая революция на Урале» областного управления государственного издательства. Отклик этой статьи нашел свое место и в центре, в «Коммунистическом труде», где «последние дни последнего царя» были перепечатаны. Однако, тогда негласно самый сборник изъят был из продажи. В статье Быкова признавалось, что сообщения о похищении, бегстве и увозе императорской фамилии не соответствовали действительности — последние все были «уничтожены». . . Замалчивание этого факта не было однако «результатом нерешительности местных советов». Уральские советы — и областной и пермский, и алапаевский — «действовали смело и определенно, решив уничтожить всех близких к самодержавному престолу». — Для всех них Урал «стал могилой».

Таким образом роль центральной власти в этом изображении сводилась к замалчиванию того, что произошло: советы Урала действовали на свой «страх и риск». Такова основная тенденция очерка Быкова. И лишь в самом конце 1925 года, в статье Юренева, появившейся в столичной петроградской «Красной газете» в виде корреспонденции из Свердловска под заглавием «Новые материалы о расстреле Романовых», установлены были взаимоотношения того времени между Екатеринбургом и Москвой. Одновременно появился отдельным изданием пополненный очерк Быкова. Отношения с центром в статье Юренева излагались так: «В одном из своих заседаний, по словам Быкова, Совет (областной) единодушно высказался за расстрел Николая Романова. Все же большинство Совета не хотело брать на себя ответственность без предварительного переговора по этому вопросу с центром. Решено было вновь командировать в Москву Голощекина для того, чтобы поставить вопрос о судьбе Романова в ЦК партии и президиуме ВЦИК». «Президиум ВЦИК — продолжает Быков — склонялся к необходимости назначения над Николаем Романовым открытого суда. В это время созывался 5 Всероссийский съезд советов. Предполагалось поставить вопрос о судьбе Романова на съезде — о том, чтобы провести на нем решение о назначении над Романовым гласного суда в Екатеринбурге». Как главный обвинитель бывшего царя должен был выступить Троцкий. Разговоры о суде в советской среде в это время действительно были, как можно судить, например, по сообщениям газеты «Анархия» и др.; о решении постановления «царского» процесса, между прочим, говорил Урицкий при допросе 9 июля н.с. гр. Кокорцева. Может быть боевое настроение, создавшееся около съезда с готовившимся выступлением левых с.р., сняло этот вопрос. По утверждению Быкова вопрос был пересмотрен в ВЦИК, в связи с докладом Голощекина о военных действиях на Урале: «Голощекину предложено было ехать в Екатеринбург и в конце июля подготовить сессию суда над Романовы-

ми, на которую и должен был приехать Троцкий». По приезде из Москвы, Голощекиным числа 12 июля было созвано собрание Областного Совета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых. Областной совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать уже не удастся — фронт был слишком близок и задержка с судом над Романовыми могла вызвать новые осложнения. Решено было запросить командующего фронтом, о том, сколько дней продержится Екатеринбург и каково положение фронта. Военное командование сделало в Областном Совете доклад, из которого было видно, что положение чрезвычайно плохое. Чехи уже обошли Екатеринбург с юга и ведут на него наступление с двух сторон. Силы красной армии недостаточны и падения города можно ждать через три дня. В связи с ним Областной Совет решил Романова расстрелять, не ожидая суда над ним». Под Романовыми, очевидно, надо подразумевать не только семью Царя в узком смысле, но и членов императорской фамилии, находившихся в Алапаевске. Отсюда логически следует сделать заключение, что екатеринбургское и алапаевское убийства связаны, действительно, скорее всего «единой волей».

В приведенной концепции решение о расстреле было принято все-таки самостоятельно. Иную конъюнктуру дает рассказ Войкова, записанный Беседовским и воспроизведенный им в «Путях к Термидору». «Вопрос о расстреле Романовых — рассказывает Войков — был поставлен по настоятельному требованию Уральского Областного Совета, в котором я работал в качестве областного комиссара по продовольствию. Уральский Совет категорическим образом настаивал перед Москвой на расстреле царя, указывая, что уральские рабочие чрезвычайно недовольны оттяжкой приговора и тем обстоятельством, что царская семья живет в Екатеринбурге «как на даче», в отдельном доме, со всеми удобствами. Центральная московская власть не хотела сначала расстреливать царя, имея в виду использовать его и семью для торга с Германией. В Москве думали, что уступив Романовых Германии можно будет получить какую-нибудь компенсацию. Особенно надеялись на возможность выторговать уменьшение контрибуции в 300 миллионов рублей золотом, наложенной на Россию по Брестскому договору. . . Некоторые из членов Центрального Комитета, в частности Ленин, возражали также и по принципиальным соображениям против расстрела детей. Ленин указывал, что Великая Французская революция казнила короля и королеву, но не тронула детей. Высказывались соображения о том отрицательном впечатлении, которое может произвести за границей, даже в самых радикальных кругах, расстрел царских детей. Но Уральский Областной Совет и Областной Комитет коммунистической партии продолжали решительно требовать расстрела. . . — я был одним из самых ярых сторонников этой меры. . . Уральский Областной Комитет коммунистической партии поставил на обсуждение вопрос о расстреле и решил его окончательно в положительном духе еще с июля (июня?) 1918 года. При этом ни один из членов Областного Комитета партии не голосовал против расстрела. Постановление было вынесено о расстреле всей семьи и ряду ответственных уральских коммунистов было поручено провести утверждение в Москве, в Центральном Комитете коммунистической партии. В этом нам больше всего помогли в Москве два уральских товарища — Свердлов и Крестинский. Они оба сохранили самые тесные связи с Уралом и в них мы нашли горячую поддержку в проведении в Центральном Комитете партии постановления Уральского Областного Комитета. Провести это постановление оказалось делом нелегким, так как часть членов Центрального Комитета подолжала держаться той точки зрения, что Романовы представляют чересчур большой козырь в наших руках для игры с Германией и что поэтому расстаться с этим козырем можно лишь в крайнем случае. Уральцам пришлось прибегнуть тогда к сильно действующему средству. Они заявили, что не ручаются за целостность семьи Романовых и за то, что чехи не

освободят их в случае дальнейшего своего продвижения на Урал. Последний аргумент действовал сильнее всего. Все члены Центрального Комитета боялись, чтобы Романов не попал в руки Антанты. Эта перспектива заставляла уступить настояниям уральских товарищей. Судьба царя была решена, была решена и судьба его семейства... Когда решение Центрального Комитета партии сделалось известным в Екатеринбурге (его привез из Москвы Голощекин), Белобородов поставил на обсуждение вопрос о проведении расстрела. Дело в том, что Центральный Комитет партии, вынося постановление о расстреле, предупредил Екатеринбург о необходимости скрыть факт расстрела членов семьи, так как германское правительство настойчиво добивалось освобождения и вывоза в Германию бывшей царицы, наследника и великих княжен...»

Рассказ Войкова возбуждает некоторые сомнения. Прежде всего, в интересах варшавского полпреда в обстановке того же 25 года было представить екатеринбургскую бойню не самоличным актом уральцев, а актом, совершенным по решению центра. Если в Москве судьба не только царя, но и его семьи была решена уже в момент пребывания там Голощекина, становится, однако, совершенно непонятным текст Белобородовской телеграммы 17 июля. Очевидно, что-то было не так. Не разъясняет ли загадку сообщение 14 июля в «Известиях» Уральского совета? Через день после обсуждения на заседании Областного Совета (вероятно, его президиума) директив, привезенных Голощекиным, сообщалось: «Вчера председатель Совдепа имел продолжительный разговор по прямому проводу с Москвой, с председателем Совнаркома Лениным. Разговор касался военного обзора и охраны б. царя Николая Романова». Мне думается, что законно будет такое предположение. Директивы, привезенные Голощекиным, были обсуждены в Областном партийном комитете (у Войкова все дело решает партийный комитет, и это, конечно, соответствовало действительности: совет являлся лишь демократической декорацией). Эти директивы не заключали в себе еще формулу убийства — не только семьи, но и царя. Возможно, ставился вопрос и об эвакуации в более безопасное место. Партийный комитет, признав положение в Екатеринбурге угрожающим и весь риск эвакуации в момент, когда чехословацкие отряды двигались по соединительной ветви на главную железнодорожную линию Пермь-Екатеринбург и могли отрезать последний путь отступления из Екатеринбурга, принял решение о необходимости «уничтожить» Николая II — об этом шла речь в переговорах по прямому проводу 13 июля. Надо думать, что санкция на это из центра была получена, поэтому так странно на первый взгляд формулирована телеграмма 17 июля — «семью постигла та же участь, что и главу».

Тактика центра в отношении династии — колеблющаяся и двурушническая, конечно не гарантировала жизни ни царю, ни вел. кн. Михаилу, ни легитимному наследнику. С известными оговорками можно согласиться с заключительными строками исследования Соколова: «В общем ходе мировых событий смерть царя, как прямое последствие лишения его свободы, была неизбежна и в июле месяце 18 года уже не было силы, которая могла бы предотвратить ее». Если не в июле, то в последующие страшные дни кровавого разгула «красного террора», гибель была почти неизбежна, поскольку члены династии оставались во власти разнузданного насилия большевиков. Может быть был бы создан показательный процесс «народного суда», после которого символически скатилась бы голова «коронованного тирана»; может быть ликвидация династии произошла бы безгласно в тайных недрах Всер. Чрез. Комиссии, но все же, вероятно, общественная летопись не зарегистрировала бы омерзительных форм, в которых произошла расправа в подвале «дома особого назначения», названная Сафаровым на столбцах «Уральского рабочего» 23 июля со смелостью, граничащей с наглостью, «крайне демократической».

4. Оживление мертвецов

Весть об убийстве императора Николая II, конечно, в разных слоях воспринята была не одинаково. Может быть толпа, притихшая под Дамокловым мечом «пролетарской диктатуры», отнеслась, в общем, равнодушно, отчасти подготовленная уже к неизбежности такого конца для главы царствовавшей династии после революции; может быть, еще не верили, несмотря на официальное сообщение, переданное через газеты в виде отчета о заседании в ВЦИК — не верили, потому что уже раз слышали о расстреле. Смерть бывшего царя, действительно, впечатления большого внешне тогда не произвела — тем более, что дело ограничилось довольно лаконичным сообщением 19 июля. Однако, едва ли также спокойно было воспринято известие из Екатеринбурга в Кремле. Мемуаристы пытаются показать, что самочинное деяние уральских коммунистов не вызвало никаких волнений и опасений. С хладнокровным спокойствием, в обстановке обычного обсуждения текущих дел, заслушано было членами правительства сообщение о расстреле в Екатеринбурге. Вот как описывает заседание Совнаркома 18 июля Милютин. «В момент доклада комиссара народного здоровья Семашко, вошел Свердлов и сел позади Ильича. Семашко закончил доклад, Свердлов подошел к Ленину и сказал ему несколько слов. «Тов. Свердлов просит слова для информации» — сказал Ленин и Свердлов в обычном тоне сообщил об известии, которое пришло с Урала. Чехословаки приближаются к Екатеринбургу. Николай II собирался бежать. Он казнен. Президиум ВЦИК утвердил эту меру. Слова Свердлова сопровождало полное молчание. «Перейдем теперь к тексту принятия по пунктам» — предложил Ленин. Заседание, прерванное выступлением Свердлова, продолжалось в очередном порядке...» Очевидно, на основании таких мемуарных заметок Керенский и пришел к убеждению, что от правительства была скрыта истина. Боюсь присоединиться к такому заключению, и в особенности на основании документа, сотканного из сплошной фальши. Растерянность была очевидна и вероятно только этим можно объяснить то, что московская власть не воспрепятствовала открытому служению панихиды по погибшему императору: церковь на Спиридоновке была полна народом — присутствовали далеко не только «монархисты».

Все последующее показывает, что и правительство в целом, и его агенты в отдельности, всемерно стремились затушевать то, что произошло в Екатеринбурге. Кровавая бойня в доме Ипатьева ложилась таким позорным пятном на так называемую «рабоче-крестьянскую» власть, что истину надо было хоть до времени так или иначе скрыть. Мы видели уже, как в течение июля представители советской власти открыто лгали немецким дипломатам. Также втирали они очки и дипломатам других европейских держав. Лгали в июле, лгали в августе, лгали и в сентябре. Разговоры бар. Ритцлера с руководителем ведомства ин. дел в Москве закончились сообщением, что Александра Федоровна находится «в Перми» и что с «немецкими принцессами» ничего произойти не может. Немецкий дипломат усумнился тогда в том, что Чичерин говорил правду. Документы, опубликованные в 35 году немецким историком Яговым, показывают, что тем не менее переговоры об «освобождении царицы и ее детей» продолжались — их вел в начале августа с Чичериным германский генеральный консул в Москве Гаушильд. 29 августа Гаушильд на ту же тему беседовал с Радеком, который заявил, что комиссар ин. дел не видит причин, почему нельзя было бы Ал. Ф. и ее детям выехать из России — на условиях, конечно, известной компенсации. Компенсация могла бы заключаться в том, что царская семья будет обменена, напр. на арестованного в Берлине Лео Йодиша. Радек высказывал готовность в тот же день переговорить по этому поводу с самим Лениным и обещал немецкому консулу «немедленно принять меры» к тому, чтобы царице и ее детям была гарантирована безопасность от каких либо эксцессов. Комедия продолжалась и

перенесена была в Берлин, где советский представитель Йоффе десятого сентября уже официально предложил германскому министерству ин. дел обменять царицу на Либкнехта. По свидетельству Ягова, это «возмутительное предложение» было отвергнуто Германией. Так обстояло дело в момент, когда должны были реализоваться дополнительные соглашения по Брестскому миру. Переговоры все еще продолжались — до 14-15 сентября. Тут неожиданно в беседе с Чичериным и Радеком выяснилось, что советское правительство в данный момент не знает местопребывания царской семьи, так как она находится в красноармейской части, отрезанной от остальной армии во время военных действий под Екатеринбургом. Немецкая дипломатия поняла, что вопрос о выезде из России императрицы и ее детей должен был выпасть из переговоров, но она еще верила, что погибшие в Екатеринбурге живы и предлагала превести их хотя бы в Крым. . . Недостойная игра так или иначе шла до перерыва дипломатических сношений, накануне событий, сокрушивших Германскую империю.

Во второй половине июля по ордеру председателя петроградской Ч. К. из Вологды были вывезены жившие там под наблюдением в условиях относительной свободы вел. кн. Николай Михайлович, Георгий Михайлович и Дмитрий Константинович и заключены в Петербурге в тюрьму на Шпалерной. Что послужило прямым поводом к аресту, который был произведен, как утверждал Урицкий посетившим его представителям французского и датского посольств, по предписанию из центра? — Может быть центр хотел избежать каких-нибудь местных эксцессов в связи с готовящимся отъездом иностранных послов из Вологды? Предположим лучшее. Обеспокоенный участием Николая Михайловича, имевшего связи в Париже, французский посол Нуланс, согласно полученной инструкции, поручил генеральному консулу в Москве Гренару посетить Чичерина и от имени французского правительства ходатайствовать о гарантии безопасности для великого князя-историка, — очевидно в связи с событиями, имевшими место в Екатеринбурге. Тоже со своей стороны сделал датский посол Скавениус перед Урицким. Нуланс не сообщает ответа, который дал Чичерин, но его передает со слов Гренара бывший французский посол Палеолог. Коснувшись расстрела Николая II, Чичерин высказал сожаление о происшедшем событии, которое произошло без ведома центра, по инициативе екатеринбургского Совета, и отозвался незнанием того, что произошло с другими членами семьи. Несколько позже Чичерина посетил и голландский посланник Удендин, чтобы от имени королевы Вильгельмины хлопотать за царицу и ее детей. Это было в день убийства Урицкого. Выслушав заявление Удендина, Чичерин и присутствовавший при беседе его помощник Карахан «долго сидели в молчании». «Вы коснулись весьма щекотливого вопроса» — ответил, наконец, смущенный Чичерин, устремив свой взор на пол: «Я не могу вам дать сразу определенный ответ. . . Вопрос несомненно подвергнется всестороннему обсуждению ВЦИК. . . Вы можете написать вашему правительству, что нет решительно, никаких оснований беспокоиться за них. . .» Карахан молчал, курил большую сигару, сосредоточенно пуская большие клубы синего дыма в потолок. . .

✱

Хотели того или нет большевики, но их лживые публикации об екатеринбургском убийстве с первого же дня положили начало в обывательской среде разнообразным и противоречивым слухам о судьбе царской семьи. Эти слухи, зарегистрированные екатеринбургским уголовным розыском и подтверждаемые даже свидетелями-очевидцами, представляют собой эмбрион последующих исторических легенд. Царская семья жива: она вывезена из Екатеринбурга — по версии уголовного розыска — в направлении Перми. Жив и царь, он увезен в Германию через Ригу, согласно одному из пунктов Брестского мира (по простонародной версии, Вильгельм «строго приказал Ле-

нину»). Насколько последняя версия была распространена, показывает тот факт, что она занесена в официальном уведомлении английского верховного комиссара в Сибири Э. Бальфуру 5 октября: вопреки большевизмским объявлениям, «многие из русских, хорошо осведомленных, верят, что он (царь) находится под покровительством немцев». К этому варианту сам Элиот, не отвергая его, относился несколько скептически. Но ему представлялся правдоподобным увоз царицы и детей — он подчеркивал, что таково всеобщее мнение в Екатеринбурге. Гибс полагал, что до сей поры нет основания не верить сообщениям большевиков о сохранности царской семьи — во всяком случае можно полагать, что в доме Ипатьева расстреляны не все там находившиеся, и что детям жизнь сохранена. (Элиот допускал, что следы крови явились в результате убийств во время ссоры пьяных людей).

Таких версий было бесчисленное множество. Им верило такое же множество людей в Сибири и Европейской России, а также впоследствии в Западной Европе. Т. Боткина-Мельник, в ближайшем окружении которой создались многие легенды и в частности о роли Соловьева в попытках освобождения царя, заявляет в своих воспоминаниях: «Конечно, никто из нас не верил слуху (об убийствах в Екатеринбурге) до тех пор, пока по приезде во Владивосток я не увидела людей, лично читавших все дело, веденное генер. Дитерихсом!» Судьба Михаила Александровича возбуждала еще меньшие опасения. Мы видели, как Милоков с Юга рекомендовал москвичам отыскать великого князя, выдвигаемого лидером конституционалистов в кандидаты на занятие престола. Диктатор далекой Даурии, знаменитый барон Унгерн в одном из своих «приказов» даже в 21 году объявлял «императора Михаила» «единственным хозяином земли русской». Сибирское следствие, которому картина происшедшего скоро стала ясна, впоследствии скоро стало заподозривать источник происхождения этих легенд — их распространяли агенты большевиков. При взятии Екатеринбурга из красной армии перебежало много офицеров. В числе их был кап. ген. штаба Симонов, занимавший пост начальника штаба армии Берзина и помогавший офицерам перебежать на «белогвардейскую» сторону. В Омске при содействии нач. Воен. Академии ген. Андогского он занял должность нач. контр-разведывательного отдела. Он официально докладывал Верховному Правительству — повествует Дитерихс — «что слышал от комиссаров», что наследник и великие княжны живы, но неизвестно, где находятся». Лично Симонов «твердо верил в это». Симонов был знаком с Соловьевым и встретился с ним во Владивостоке. Соловьев сохранял «большое инкогнито», но открылся начальнику паспортного пункта, полк. Макарову, прося у него четыре незаполненных бланка заграничных паспортов «для отправления августейших детей за границу». Дитерихс говорит, что фантазиям, «походившим по абсурдности на умышленно злостное распространение сведений с преднамеренной целью», больше верили, чем обоснованным на фактах докладам следователя Соколова. Помощник Соколова, человек скорый на заключения, уже обвиняет Соловьева в том, что последний подготовлял самозванца, как это ни абсурдно было для агента большевиков! Самогипноз был так силен, что еще в 21 году редакция монархической «Русской летописи» при перечислении членов «Российского императорского дома, убиенных и умученных большевиками», делала оговорку: «вел. кн. Михаил Александрович с половины 18 года неизвестно где находится и о Е.И.В. распространены весьма тревожные сведения». Даже в 24 году вдовствующая императрица Мария Федоровна, по поводу манифеста в. кн. Кирилла, преждевременно объявившего себя «императором всероссийским», писала вел. кн. Николаю Николаевичу, прося его предать гласности ее письмо: «До сих пор нет точных известий о судьбе моих возлюбленных сыновей и внука». И более того, в 29 году Агапеев, один из докладчиков «Общества памяти государя-императора Николая II» выступил в «Новом времени» со статьей под характерным заголовком: «Жива ли цар-

ская семья?» с целью опровергнуть иллюзии, которые существуют еще в некоторых кругах эмиграции и «апокрифы», которые время от времени появляются в монархической печати. Соколов в соответствии со своей предвзятой точкой зрения положит на эти «апокрифы» клеймо «made in Germany»; они были нужны немцам, а не большевикам: подобными легендами немцы пытались набросить пелену в глазах русских патриотов на свои истинные отношения с большевиками!

Оставим в стороне и эти домыслы — их сам Соколов не считал возможным воспроизвести на страницах русского издания своей книги. История происхождения творимых легенд, рождавшихся в атмосфере не остывших чаяний прозелитов монархической идеи, лежит, конечно, в том тумане скрытности и фальсификации, которым были окутаны екатеринбургское и алапаевское деяния. При своем цинизме, не останавливающемся перед воскурением «революционного фимиама отвратительной голове медузы», как назвал Каутский красный террор, даже большевицкая власть не нашла в себе смелости сказать правду о том, что произошло в подвале дома Ипатьева в ночь на 17

июля, что предшествовало и что последовало за этой поистине «общечеловеческой трагедией» XX века — она наложила запрет молчания и на уста непосредственных убийц. Скрыть «правду» в истории почти невозможно. Большевицкая власть достигла того только, что содеянное партийными изуверами преступление в глазах всего мира превратилось в акт какого-то дьявольского замысла, задуманного в центре и планомерно им осуществленного. «Логика и факты» говорят против такого заключения, но тем не менее этой легенды историк, беспристрастный по своему методу фактического исследования, до сих пор опровергнуть не может — историку пока доступны лишь критические суждения.

Моральное безразличие, с каким был в сущности встречен в демократическом мире «революционный акт», имевший место в России, и скорое забвение его облегчили «рабоче-крестьянской» власти переход к нормальным дипломатическим отношениям и она уже с некоторой смелостью начала у себя инсценировать даже показательные процессы «суда над Романовыми».

А. Д. БИЛИМОВИЧ

Почему надо заниматься вопросами будущего устройства России*)

Говорить об экономической или какой-либо иной стороне будущей России очень трудно. Помимо многочисленных других трудностей, на которые наталкиваешься при этом, приходится преодолевать еще специфическое препятствие. Оно состоит в том, что надо еще доказать право, целесообразность и тем более необходимость заниматься вопросами будущего устройства России. Ибо против этого выдвигается целый ряд возражений.

Рассмотрим главные из них.

Прежде всего, со всех сторон не только иностранцы, но и очень многие русские, в том числе и антикоммунисты, заявляют: о какой будущей, освобожденной от большевиков, России говорите вы? Разве вы не видите, что советская власть, несмотря на все ее недостатки и испытываемые ею затруднения, идет от одного завоевания к другому и настолько стабилизировалась, что о какой-либо смене ее без исключительных внешних ударов нельзя говорить? А много ли шансов на такие внешние удары? Пред лицом этого возражения мы стоим точно какие-то новые Галилеи, от которых все, подобно былой инквизиции, требуют признания, что история России остановилась на большевиках и далее не вернется. Положение неверящих этому не легко, в часы упадка энергии оно кажется безнадежным. Болезненно бьется мысль, точно взбираешься по гладкой отвесной скале и не находишь, за что зацепиться.

И все же мы знаем, что «она вертится». Вертится колесо русской истории. Она не кончится на советской власти. Лед, в который закована Россия, еще не дал роковой для большевиков трещины, но он становится все более ноздреватым и рыхлым, несмотря на все успехи и завоевания. Число людей внутри замороженного царства, ждущих и жаждущих вскрытия рек, растет. Постыдно было бы поэтому настолько поддаваться малодушию, чтобы даже не продумать, что может и должно наступить после вскрытия российских рек. Даже если бы советская власть еще долгие годы держалась в России, это была бы лишь одна из возможностей, для которой также надо продумать будущее течение русской жизни и пути, на которых эта власть все же в конце концов будет преодолена.

Во всяком случае страницы истории переворачиваются. И будущие страницы уже теперь не совсем пусты. На них уже многое написано. События имеют свою логику и связь: настоящее — продукт прошлого и чревато будущим. Но не все на будущих страницах написано вперед. От людей, от всех и там и здесь, зависят будущие писмена. Каковы же могут быть, должны быть и будут эти будущие записи? Разгадать их — это задача работы над вопросом об устройстве будущей России.

Но на это возражают: это будущее явится продуктом громадного исторического процесса, создаваемого много-миллионными народами и катящегося неудержимой лавиной. Что могут внести в него провидения жалкой кучки эмигрантов? Но надо быть логичными. Если будущая Россия будет созданием ее людей, то значит и каждого из нас. В какой-то, пусть минимальной, доле, но все-таки и каждого из нас. Кроме того, уже по своей численности российская диаспора вовсе не так незначительна. Никто ее как следует не сосчитал. Но можно полагать, что все части, слои и виды ее, вместе взятые, превышают миллион человек, а это составляет свыше $1/20$ всего населения СССР и свыше $1/6$ числа членов КПСС. И преобладающими среди них являются противники советской власти. По сравнению с этим, число тех эмигрантов из России, которые затем вошли в состав советской власти, было в сотни, если не в тысячу, раз меньше. И созвучных им людей в России было неизмеримо меньше, чем анти-советски настроенных людей в СССР.

Но и этого мало. Удельный вес отдельных лиц в историческом процессе не одинаков. Он зависит и от условий, в которых находится данное лицо, и от его личных качеств. Так, в начале революции революционная волна вынесла на своем гребне наиболее крайних демагогов и наоборот захлестнула тех, кто видел, куда ведут демагоги и пытался противостоять им. Но время течет. Уже настали иные времена. Те, кто соблазнил людей личиной освободителей-революционеров, оказались поработителями-реакционерами, насилем удерживающими свою власть и введенный ими политический и хозяйственный строй. Напротив, противники советской власти являются провозвестниками того освобождения, которого жаждут прозревшие поработенные народные массы. Таковы объективные условия, повышающие сейчас удельный вес антибольшевистских сил и значение продумывания ими будущих судеб России.

*) Из книги «Экономический строй освобожденной России», издательство ЦОПЭ, Мюнхен 1960.

Из личных качеств важны чувство реальности и напряженность воли. Чувство реальности — это способность уловить, куда текут события, к чему влекут их пока подавленные, но не искорененные, а наоборот крепнущие, подлинные интересы и затаенные желания масс. Мы слишком повернуты к прошлому, слишком мало стремимся рассмотреть будущее. В этом отношении показательно, что политическая литература зарубежья до последнего времени была почти исключительно мемуарной. Люди вспоминают то, что было. Литература, изучающая настоящее, гораздо беднее и книгами и именами. Она увеличилась лишь в самое последнее время. Отчасти потому, что в эмиграции появился ряд авторов, почти 25 лет проживших под советской властью, отчасти же потому, что на работы о сегодняшнем положении в СССР появился большой спрос со стороны иностранцев. Литературы же, продумывающей будущее, — исключительно мало. Мы даже не удосужились написать что-либо свое антикоммунистическое, аналогичное хотя бы «Что делать» Чернышевского или Ленина. Не написано ничего систематического, даже подобного прогнозам и заветам Д. И. Менделеева, изложенным им на склоне жизни в связи с первой всероссийской переписью населения 1897 года¹⁾, но, как увидим далее, не потерявшим значения до настоящего времени.

Чувство реального — это вместе с тем в нашем случае способность нащупать человеческие силы, которые впряглись бы в реализацию нового свободного облика страны. Русские антикоммунисты слишком часто являются утопистами и слишком редко реалистами. Когда-то социализм начался в утопической форме и оставался не претворенным в жизнь. Позже социалисты стали реалистами и старались найти в лице нового промышленного пролетариата ту реальную силу, которую можно было бы увлечь на борьбу за социализм. В этом, как известно, состояла стратегия марксизма, стремившегося, по крайней мере в виде лозунга, сделать социализм пролетарским, а пролетариат социалистическим²⁾. Но применение этой стратегии в России вскрыло народным массам, в том числе рабочему пролетариату, ее лживость и выветрило веру в нее. Поэтому, когда подымается вопрос о будущей России и намечается программа ее устройства, такая программа должна быть реалистична и правдива. С одной стороны, она должна опираться на реальные процессы, уже идущие в стране, а с другой стороны, она должна найти реальные силы, интересы которых неудержимо влекли бы их к осуществлению этой программы. Она, следовательно, должна быть такова, чтобы все части народной триады — рабочие, крестьяне и интеллигентные слои — стали антикоммунистическими, а антикоммунизм — крестьянско-рабочим, обслуживаемым антикоммунистическими образованными слоями. Для этого имеются вполне реальные данные. Если и Маркс не думал о полном превращении пролетариата в социалистов и фактически опирался на социалистическую интеллигенцию, продуктом которой он и сам был, то коммунистическая власть совсем оторвалась от пролетариата и более всякой другой власти является поработителем пролетариата. Поэтому антикоммунизму гораздо легче опираться на враждебный советской власти пролетариат и тем более на антикоммунистическое сельское население.

¹⁾ См. его «Заветные мысли», Спб. 1903, равно как «К познанию России», Спб. 1906, заграничное издание в Буэнос-Айресе 1952. См. также его большую работу «Толковый тариф», 1892, и специальное исследование об Уральской железной промышленности, 1899.

²⁾ В действительности это было далеко не так. Вот что пишет по этому поводу проф. И. А. Шумпетер: «...it should be clear that the labor movement is not essentially socialist, just as socialism is not necessarily laborite or proletarian... And if there be a grand revolution... the spearhead will be formed by intellectuals assisted by the semicriminal rabble». Joseph A. Schumpeter. «Capitalism, Socialism, and Democracy». 1st edition, New York and London 1942, p. 310.

Что же касается напряженности воли, то в нашем случае — это неослабевающая энергия в ознакомлении всеми возможными путями населения России с нормальными условиями политической, экономической и социальной, национальной, духовной и религиозной жизни, равно как в организации сил для создания этих нормальных условий в России. Мы за немногими исключениями слишком пассивны в этом отношении. Слишком мало ненавидим, мало любим и недостаточно хотим. По этой же причине мы слишком мало работаем над конкретизацией этих нормальных условий для будущей России.

Правда, там подо льдом советского гнета выковыываются новые люди, осознавшие себя антикоммунисты и социально чувствующие трезвые российские националисты, свободные от лживого советского агрессивного шовинизма и обладающие выше отмеченными личными качествами. Эта гидра антикоммунизма растет, сколько голов ей ни рубили, и будет расти, сколько этих людей ни гноили бы в тюрьмах и лагерях, или соблазняли призрачными подачками и новыми широкообещательными обещаниями. Страна хочет видеть исполнение обещаний, а не новые обещания: «Человек рождается жить, а не готовиться к жизни...» (Доктор Живаго).

Эти умножающиеся в числе люди сами задумываются над очертаниями их будущей России. Но там разобщенность, невозможность объединиться, досказать выдвинутые мысли до конца и обогатить их дискуссией с идеями Запада, с достижениями передовой человеческой мысли свободных народов. «Этот пробел призваны заполнить мы, российская политическая эмиграция, и тем самым помочь интеллигенции у нас на родине в выработке идей и методов борьбы, а также контуров будущей свободной демократической России»³⁾. Вот почему там жаждут всякого серьезного слова оттуда, где оно может быть спокойно продумано и свободно сказано. Жаждут нашего свободного слова так же, как когда-то в эпоху крепостного права наши предки ловили освободительные звуки тогдашнего эмигрантского «Колокола».

Увы, эмиграция мало работает над этим. Иногда антикоммунистическая работа компрометируется саморекламой или использованием ее для личных целей. Иногда, едва кто-либо начинает вести активную работу, на него свои же набрасываются с какой-то непонятной злобой и разлагающей критикой срывают дело тех, кто бодрствует и борется. Но все это не смеет ослаблять энергии бодрствующих в продумывании конкретных очертаний той будущей России, за которую они борются и зовут бороться.

Однако здесь выдвигается новое возражение: бесплодно заниматься какими-то вопросами свободной России, пока коммунисты остаются у власти. Надо раньше свергнуть советскую власть. Иначе наши разногласия по поводу будущего устройства России будут только дробить силы и мешать борьбе. Но именно для борьбы нужно известное конкретное представление об устройстве освобожденной России. Правда, советский режим, несмотря на уступки последних лет, так осточертел массе населения, кроме специально заинтересованных в нем, что много подсоветских людей готово приветствовать любую смену этого режима. Но есть и люди, понимающие всю нелепость советского строя, но не представляющие себе ясно характера нового строя. Это лишает стимулов к борьбе. Вот почему так важно, чтобы человек знал, за что он борется, и это «что» отвечало его желаниям и заветным душам. При этом недостаточно сказать: «за свободную» или «некоммунистическую» Россию. Надо развернуть эти эллиптические формулы и конкретизировать их основное содержание. Такая конкретизированная программа необходима для борьбы. Программа была у большевиков, у всех политических и социальных движений, ее имела всякая революция. Ее должно иметь и антикоммунистическое освободительное движение.

³⁾ См. «Там и здесь. Голос русской эмиграции». Издание ЦОПЭ, Мюнхен, 1958, стр. 89.

Пусть не говорят на это, что тот, кто будет там менять и сменит советский строй, будет иметь свою собственную программу и ему не нужны будут программы, вырабатываемые здесь.

Боюсь, что этим хотят лишь погасить свою и нашу энергию. Я говорил уже о трудностях, на которые наталкивается выработка программы там, и о важности работы здесь. При этом такая работа вовсе не представляет какой-то учительской роли эмиграции. Это роль лишь соратника в общем выяснении новых основ будущей жизни нашей общей родины. Но от этого работа здесь не становится ни менее важной, ни менее ответственной. Кроме того, если у тех, кто освободит страну от советской власти, будет к тому времени готовая собственная программа действий, то проделываемая нами здесь работа всего-навсего окажется ненужной. Я не вижу в этом никакого трагизма. Мало ли мы делаем другого ненужного? Помимо этого, если эти две программы окажутся совпадающими, то выработанное нами здесь подкрепит программу, выработанную там. Если же здешняя программа в чем-либо разойдется с тамошней, то различие заставит тамошних борцов еще раз проверить свою программу и удержать ее или в чем-либо изменить. Во всяком случае тогда люди, не желающие падения советской власти, не смогут задавать каверзного вопроса: а «куда» же она должна пасть?

Но что будет, если случится иное? Представьте себе, что в России появилась новая власть. И вот, народ и его новая власть должны будут в пылу еще не совсем законченной борьбы решать тысячу вопросов. В числе их, может быть, основные вопросы, которые неизбежно встанут перед новой властью и будет захлестывать ее, как они захлестнули в 1917 г. Временное правительство, а в 1919-1920 гг. белые формирования, не знавшие по многим вопросам, что им делать. Народу и новой власти придется спешно вырабатывать программу своей освободительной и оздоровительной работы. Что, если они тогда скажут нам: мы здесь боролись, несли свои жизни и сломили советскую власть, вы же сидели там на свободе годы и годы, вырастали, старились и умирали, а продумали ли вы

хотя главные линии того, что надо делать после советской власти? Вы боялись критики, боялись ошибиться и поэтому предпочли не делать ничего. Это будет одним из самых страшных упреков, который может быть брошен нам оттуда. В ответ нам придется лишь развести руками и сказать: мы не думали об этих вещах, так как нам твердили, что не время заниматься вопросами о будущей России, пока сидят большевики. И ведь никто не знает, как долго они еще будут владеть Россией. Хотя свободный мир продолжает выручать их во все трудные для них моменты, но волна народного возмущения может подняться неожиданно, как она поднялась в Венгрии, но с большим успехом. Надо быть поэтому всегда готовыми, чтобы на наши головы не пал заслуженный упрек в отсутствии зажатых свечей.

Однако против продумывания вопросов будущей России выдвигается еще одно возражение. Говорят: всякая программа, чтобы иметь реальное значение, а не являться продуктом фантазии, должна сообразоваться с обстановкой, при которой ей будет суждено осуществляться. А так как неизвестна обстановка, при которой произойдет смена советского режима, то бесполезно заниматься заранее вопросами будущей России. Никто не станет отрицать, что реальная программа должна сообразоваться с обстановкой. Но это не устраняет возможности, а потому и необходимости, работать над вопросами о судьбах и путях России, несмотря на неясность пока будущей обстановки. Неясность ее требует только, чтобы эта работа велась во многих направлениях, рассчитанных на различный ход событий. Каждая игра заставляет иметь продуманный ответ на различные ходы противника. Совершенно так же и в нашем случае: надо иметь в виду главные возможные комбинации и для каждой из них разработать соответствующий вариант поведения. Кроме того — и это особенно важно — различной может быть главным образом обстановка борьбы с советской властью и победы над ней. Что же касается содержания того, за что должна вестись борьба, и очертаний желательного устройства освобожденной России, то это в своем существе может оставаться одинаковым при самых различных формах борьбы и смены советской власти.

АЛЕКСЕЙ УГРЮМОВ

Несколько слов о Максиме Горьком

В связи с горьковским юбилеем, в особенности же в связи с печатавшимися в «Зарубежье» высказываниями Максима Горького об Октябрьской революции, относящимися к 1917-18 гг., — высказываниями, имеющими тоже юбилейную давность, — мне хочется вспомнить некоторые моменты из биографии Максима Горького (Алексея Максимовича Пешкова, 1868-1936).

В своей статье «Случай из жизни Максима Горького», опубликованной в «Русской мысли» (Париж), в «Русской жизни» (Сан-Франциско) и в «Родных перезвонах» (Брюссель), я уже подчеркивал, что к Горькому как к писателю и человеку можно относиться по-разному, но не признать таланта Горького нельзя; его имя уже вошло в золотой фонд русской литературы и ни при каких обстоятельствах не может быть из этого фонда изъято.

К Горькому с явным недружелюбием относятся те слои русского общества и в частности эмиграции, которые ставят писателю в вину революционный характер многих его произведений и революционные высказывания автора «в доброе старое время», что способствовало «раскачиванию устоев», на которых стояла дореволюционная Россия. Эти люди забывают, что в русской литературе издавна всегда присутствовал дух протеста и «раскачивания устоев»: не говоря уже о В. Г. Белинском, Н. Г. Черны-

шевском, Н. А. Добролюбова, даже у таких на первый взгляд и с теперешней нашей точки зрения «ортодоксальных» писателей, как И. С. Тургенев, В. М. Гаршин, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и др. Таким образом, Горький был лишь одним из многих (может быть, следует сказать — к большому сожалению) русских писателей, которые «раскачивали устои». Такова была русская писательская традиция и в особую вину ее одному Горькому ставить нельзя.

К Горькому особо критически относятся те наши современники, которые помнят (да это и трудно забыть) статью писателя после посещения им Беломор-Балтийского канала, прорытого руками гибнувших от непосильной работы и нечеловеческих условий советской каторги миллионов безвинных людей («кулаки», «подкулачники», «нэпманы», представители интеллигенции и т.д.), — статью, кончавшуюся страшными для гуманиста, каким себя считал Горький, и ужасными для каждого мыслящего человека словами — «если враг не сдается, его уничтожают». В этой статье «Перековка» М. Горький признавал, что этот каторжный труд несчастных людей «перековывает» выживших и превращает их из противников современной системы в России в ее послушных строителей.

Конечно, от высказываний Горького 1917-18 гг. до этих его высказываний о строителях канала в 1933 году — «дистанция огромного размера».

Эта статья не собирается как-то «защитить» Горького от нападков на него за его статью и за его страшное утверждение, так как и этот призыв, и высказывания писателя в его статье могут и должны вызвать протест, а в особенности при сопоставлении с его ранними высказываниями; эта статья хочет остановиться лишь на некоторых биографических данных о Горьком и на условиях его жизни и творчества в последнее десятилетие его жизни. Эти фрагменты из его биографии дают «ключ» к пониманию «эволюции» писателя от отрицания Октября к его позднейшим высказываниям о советских власти и системе.

Возвратимся на мгновение к строкам Горького из его статьи «Перековка» после посещения им Беломор-Балтийского канала. В основном Горький был совершенно прав: условия работы и жизни несчастных людей, работавших на прорытии канала, были таковы, что люди превращались (конечно, те, которые выживали, а выжило-то меньшинство!) в послушных роботов — строителей страшной системы, запуганных, загнанных, морально убитых. Вина Горького в этой части его статьи заключается в том, что «страха ради иудейска» (а скажите, кто не жил под этим страхом в сталинскую эпоху?) он не назвал перекованных людей роботами, превращенными в таковых из нормальных людей ужасами политической системы, и не пожалел их (а могли ли тогда мы жалеть «реабилитированных» теперь поэтов Гумилева, Мандельштама, академиков Платонова, Вавилова, тысячи знакомых и незнакомых нам людей, совершенно невинных, о которых с вершин партии шли указания о том, что все они «заговорщики» против системы и злостные «вредители»?).

В этой части «обвинения» Горький повинен лишь в том, что признав «перековку» людей на непосильных работах и в страшных условиях, он не смог, не нашел в себе сил, под тяготевшей над ним цензурой самых верхов партии, указать на эти страшные условия, на этот непосильный труд и назвать пресловутую перековку своим именем или предпослать ей соответствующий эпитет.

Не следует забывать, что в сталинские времена было немного героев, отваживавшихся называть черное черным, когда партия называла черное белым. И — увы! — Максим Горький не оказался этим героем (теперь можно сказать — к сожалению).

Но над Горьким продолжает висеть неоправдываемое обвинение, связанное с его фразой — «если враг не сдается, его уничтожают».

Для того, чтобы не оправдать, а только понять Максима Горького и его эволюцию, оторвавшегося от своих высказываний 1917-18 гг., необходимо вспомнить некоторые детали из его биографии.

Горький всегда был лево настроенным писателем и даже подвергался в дореволюционной России политическим преследованиям, не говоря уже о том, что цензура к Горькому была безжалостна. Когда Горький был избран почетным академиком по разряду изящной словесности Академией Наук, то правительственные органы не утвердили его избрания, вследствие чего отказались от звания почетных академиков А. П. Чехов и В. Г. Короленко. Это обстоятельство, а также слабость легких (вспомним, что в 1887-м году 19-летний подмастерье пекаря из булочной Семенова в Казани Алексей Пешков покушался на самоубийство, выстрелив в грудь себе из револьвера; доставленный в Казанскую клинику, он был признан безнадежным, но молодой хирург И. П. Плюшков, на свой страх и риск, сделал будущему писателю Горькому операцию, извлек из легких пулю и тем спас жизнь булочника-юноши; вследствие этого ранения Горький всю жизнь страдал от слабости легких) привели писателя за границу и он жил в вилле на о. Капри и лишь не на долгое время наезжал в Россию. Попытку самоубийства Горький красочно описал в рассказе «Случай из жизни Макара».

В первые годы большевической революции Горький наезжал в голодную, холодную, истекавшую кровью в гражданской войне Россию. Он дивился тому, как могут жить и творить в подобных условиях люди, и это он через Ленина добился улучшения жизненных условий ученых, писателей, артистов, создал общество помощи элите русской интеллигенции — КУБУЧ, при его содействии некоторые представители интеллигенции (в том числе писатель Евгений Замятин) получили разрешение на выезд из Советской России.

Но вот Ленин умер в январе 1924 года. Я не хочу создать у читателя впечатление, что ленинская эпоха военного коммунизма и НЭПа была лучше и гуманнее последующих пережитых народами России эпох, так как все мы помним примеры ленинских расправ, как подавление Ярославского восстания, как уничтожение, поголовное уничтожение, восставших в Кронштадте матросов в 1921 году, как создание донные процветающей, но только под другим названием, знаменитой своими пытками, унижениями человеческого достоинства и казнями ВЧК; но все же Ленин иногда делал «один шаг назад», чего не делали и не делают его преемники. Возглавленная Сталиным «вершина власти» занялась ликвидацией всяких «шагов назад», допущенных в ленинские дни; среди этой ликвидации произошла и ликвидация разъездов Максима Горького с о. Капри в Советскую Россию и обратно. Ему было прямо заявлено о том, что если он хочет именовать русским писателем, и более того, родоначальником русской «пролетарской литературы», если он хочет, чтобы его сочинения издавались Госиздатом миллионными тиражами, и не только на русском языке, но и в переводах на иностранные языки, ему следует безоговорочно и на постоянно возвратиться в созданный к тому времени СССР.

Следует сказать, что Максим Горький был честлюбным человеком, и долго не раздумывая и учтя свое ведущее положение в русской литературе в то время и что с НЭПом жизнь на родине заметно улучшилась, согласился на окончательное возвращение на родину.

Это оказалось впоследствии роковой ошибкой писателя.

Надо сказать правду, что Максиму Горькому были созданы советскими властями все условия возможного комфорта и творческого удобства (прекрасная многокомнатная квартира, дачи в Крыму и на Кавказе, поездки в творческих интересах писателя, закрытые распределители на промышленные и продовольственные товары, несмотря на то, что писатель никогда не был членом партии, и т.д.).

С переездом в СССР Горький потерял политическую и творческую независимость.

С приходом к власти Сталина началось все более и более сильное «натягивание вожжей» пролетарской диктатуры, через три года был де факто ликвидирован НЭП и начался период коллективизации в деревне и индустриализации в городах («Техника в период реконструкции решает все!») «Натягивание вожжей» коснулось в той или иной мере всех граждан СССР, не избежал этого и Горький, хотя он и продолжал пользоваться всеми удобствами и благами. Но ему неоднократно указывалось, что за все это он должен быть благодарен партии и правительству и лично Сталину, что в своей писательской деятельности он должен отразить это. Горький в это время писал большой трехтомный роман-хронику «Жизнь Климата Самгина» (1927-1933). Горький неоднократно призывался в Кремль, имел свидания со Сталиным, участвовал в банкетах по случаю приезда иностранных деятелей литературы и искусства, ему была поручена почетная обязанность председательствования на первом всесоюзном съезде писателей и выступление с руководящей речью, но одновременно намекалось, что пора ему, Горькому, за все предоставляемые ему блага вступить в партию, что для партии, конечно, было бы очень выгодно, ибо Горький имел мировое имя и пользовался авторитетом в разнообразных читательских кругах России.

Горький, по указанию партии, активно участвовал в первом всесоюзном писательском съезде, своим глухотам, с придыханием, голосом произнес ничем не замечательную речь, предупредив своих коллег по перу, что он плохой оратор, и тогда-то выдвинул им самим необъясненный принцип «социалистического реализма в советской литературе», — принцип, в который с момента его провозглашения вкладывается любая «начинка» — в зависимости от потребности, в зависимости от ситуации, — и так продолжается до наших дней. Думаю, что и самому Максиму Горькому этот принцип «социалистического реализма» был чужд и непонятен, что он выдвинул его только по шпаргалке, подsunутой ему агитационно-пропагандистским отделом ЦК КПСС (тогда называвшимся ЦК ВКП(б) с очередным напоминанием, что писатель должен быть благодарен партии и правительству «и лично товарищу Сталину» и за все заботы следует ему отблагодарить их.

В особенности после окончания съезда писателей и во время его подготовки Максим Горький сделался объектом партийного воздействия, игрушкой в руках партийных верхов, которые ему постоянно жужжали в уши о благодарности и о наступлении уже времени, когда ему следует вступить в ряды партии. К чести Горького следует сказать, что в партию он не вступил и выдержал в этом отношении борьбу с аппаратом ЦК партии и Сталиным.

В это то время была организована и поездка на Беломор-Балтийский канал, и писателю почти диктовалась статья о «перековке», был подсказан страшный постулат — «если враг не сдается, его уничтожают». Горь-

кий, — повидимому не осознав в тот момент всего значения этой фразы, как слабый человек, как склонный к честолюбию и исключительному для себя положению, — включил эту роковую фразу в свою статью. Сделано это было неосмотрительно и... «то, что написано пером, не вырубишь и топором».

Вероятно в последние дни своей жизни Горький страдал от своего малодушия, вспоминая недостойную его, как крупнейшего в те времена русского писателя, и статью и роковую фразу, но было уже поздно.

Начиная с половины 1935 г. Горький болел и есть все основания полагать, что ему «помогли умереть», за его «строптивый характер», за его упорство в нежелании вступить в партию.

Изданный в 1953 году в СССР трехтомный «Энциклопедический словарь» в статье о Горьком говорит: «Г. был умерщвлен троцкистско-бухаринской бандой. Скончался 18 июня 1936».

В 1953 году, когда издавалась эта энциклопедия, еще была памятна, свежа и даже сильна сталинская «тень Люциферова крыла» (А. А. Блок, — «Возмездие»); когда еще Н. С. Хрущев горько плакал о «дорогом покойнике» и еще не произошло развенчание умершего диктатора надо было писать именно так, но теперь в этот текст следует ввести поправку, существенно меняющую заключительные строки статьи энциклопедии: надо вычеркнуть упоминание о «троцкистско-бухаринской банде» и заменить приведенную выше фразу иной, действительно отражающей правду тех дней: «Горький был умерщвлен по заданию Сталина сталинским аппаратом ЦК ВКП(б)».

По случаю 15-летия со дня народного восстания в Германской Демократической Республике 17 июня 1953 г. в немецкой прессе были опубликованы интересные материалы. Между прочим, приводятся имена людей, погибших как во время самого восстания, так и казненных на основании судебных приговоров. Во время восстания погибло 7 человек жителей Берлина. По приговору суда расстреляны советскими властями 14 человек; из них один офицер и один рядовой так называемой народной полиции; остальные — рабочие и ремесленники, уроженцы Лейпцига, Магдебурга, Эрфурта, Йены и других немецких городов. Двое рабочих и одна работница казнены по приговору суда ГДР в Халле, Магдебурге и Потсдаме. Кроме того было расстреляно 19 участников восстания, имена которых неизвестны. В числе жертв называются также 56 офицеров и солдат советской армии, отказавшихся стрелять в бастовавших безоружных немецких рабочих. По приговору военно-полевых судов они были расстреляны. В их память в Западном Берлине, на Потсдамском шоссе, воздвигнут гранитный обелиск с надписью: «Den russischen Offizieren und Soldaten, die sterben mussten, weil sie sich weigerten, auf die Freiheitskämpfer des 17. Juni zu schießen». (Русским офицерам и солдатам, которые должны были умереть за отказ стрелять в борцов за свободу 17 июня.)

Серия Slavische Propyläen. Издательство Wilhelm Fink, Мюнхен. Вып. 8, 1965 г. 8°, 44 стр. (37-81).

Прежде всего скажем несколько слов о значении этой серии изданий.

Пользование памятниками древнеславянской письменности, хотя бы и опубликованными раньше разными учеными, чрезвычайно затруднено, вследствие редкости этих изданий, которые почти все вышли в свет до первой мировой войны. О подлинных рукописях этих памятников и говорить нечего; те из них, которые находятся в книгохранилищах СССР, с большим трудом доступны, а большей частью, как показал опыт, и вовсе недоступны для западных ученых славистов. Возможно, что в данном случае имеет значение то обстоятельство, что памятники эти в известной своей части относятся так или иначе к литературе религиозного характера. Но ведь для филолога слависта религиозное содержание памятника не имеет значения: ему важен язык, его правописание, те культурные отношения к письменности других народов, которые в той или иной степени могут отражаться в данном памятнике.

Мюнхенское издательство Вильгельм Финк основало серию «Славянские Пропилеи» под руководством крупных ученых славистов Западной Германии: проф. Димитрия Чижевского, Дитриха Герхардта, Лудольфа Мюллера, Альфреда Раммельмейера и Линды Садник-Айцетмюллер. Серия эта состоит из отдельных выпус-

ков, представляющих собою как новые публикации памятников древнеславянской письменности, так и фотомеханические воспроизведения прежних, ставших уникальными или антикварными, изданий таких памятников. Выпуски эти снабжены предисловием или также ученым введением, на немецком языке. Об одном из выпусков этой серии сообщалось уже однажды в № 1 (5) «Зарубежья» за 1966 год, стр. 12.

Благодаря изданиям «Славянские Пропилеи», целый ряд уникальных и антикварных изданий в области древнеславянской письменности становятся доступными широкому кругу славистов, вынужденных до сих пор или пользоваться такими изданиями на месте их хранения, или же выписывать их через академические библиотеки для временного пользования, иногда месяцами дожидаясь очереди на заказанную книгу.

Выпуск, о котором идет здесь речь, представляет собою воспроизведение труда проф. J. Vašica, опубликованного в «Acta Academiae Velehradensis», XIX, 1948 — издании, редко попадающемся в западноевропейских библиотеках. Этот труд считается лучшим ученым изданием «Корсунской легенды».

«Корсунская легенда» содержит подробное повествование об обретении в Херсонесе (в Крыму) и перенесении мощей св. Климента Папы Римского. при св. Кирилле, учителя славян. Легенда эта относится к древнейшим славянским текстам, относящимся к деятельности св. Кирилла. В легенде

обращают на себя внимание тексты тех песнопений, которые пелись при перенесении мощей, и которые, возможно, составлены св. Кириллом (по всей вероятности на греческом языке, т.к. Херсонес тогда принадлежал к владениям Византийской империи), а также важные топографические и бытовые данные.

В издании легенды имеются следующие части: 1) Вступительная статья проф. Вашицы (на словацком языке) с разбором некоторых частей легенды (первое издание ее было сделано в 1856 г. А. В. Горским); 2) другая вводная статья автора на латинском языке, озаглавленная «*Quidam loci legendae S. D. Chersonicae de translatione reliquiarum S. Clementis Papae explanatus*»; 3) латинский перевод древнеславянского текста легенды и, наконец 4) самый славянский текст, взятый из рукописи, принадлежавшей Московской Духовной Академии, опубликованной в 1906 г. Ив. Франко в его книге «Св. Кирилл в Корсуні». В подстрочных примечаниях приводятся разночтения в других рукописях легенды.

В воспроизведенном труде проф. Вашицы сохранена пагинация издания, с которого сделана репродукция (стр. 38-80).

Несмотря на свой небольшой объем — богатое содержанием, ценное издание. И. Г.

Записки Русской академической группы в США.

The Association of Russian-American Scholars in U.S.A., 85-20. 114th Street, Richmond Hill, N. Y. 11418.

В первой книге «Записок» (за 1967 г.) помещены следующие статьи: Н. С. Арсеньев — «Мои воспоминания о Московском университете 1906-1910 гг.», А. А. Боголепов — «Православная церковь в Советском Союзе», М. А. Полторацкая — «Советская аспирантура», Ю. А. Семенов — «Преподавание химии в средних школах Советского Союза в тридцатых и сороковых годах», Б. Н. Одинцов — «Первые месяцы автономии в Московском университете», С. Г. Пушкарев — «Русская Земля в безгосударственное время» (1606-1613 гг.), Г. П. Струве — «Историко-литературные заметки», Н. О. Лосский — «Идеал-реализм против материализма», Е. В. Спекторский — «Свобода и детерминизм», Д. Н. Иванцов — «Хозяйство и нужда», К. Г. Белоусов — «Высыхание Каспийского моря», А. П. Семенов — «Оптическая асимметрия и витализм». В предисловии к первой книге «Записок» Правление Русской академической группы дает краткий отчет о возникновении и работе группы с 1948 г. по сие время. Приводим его дословно:

«Русские Академические Группы или Союзы начали образовываться в разных странах Западной Европы, куда, после перехода власти к советскому правительству, судьба стала забрасывать профессоров и приват-доцентов русских высших учебных заведений: в Белграде, Праге, Берлине и Париже. Возникновение Русской Академической Группы в Америке относится к 1948 году, когда, после Второй мировой войны, сюда стали прибывать лица, работавшие в высших учебных заведениях и научных учреждениях России, Советского Союза и отдельных западно-европейских государств. Здесь они нашли аналогичные группы научных деятелей отдельных национальных культур, нашедших себе приют в Америке. В начале Русская Академическая Группа являлась секцией Association of American Foreign Scholars, куда входили главным образом выходцы из стран за Железным Занавесом.

В настоящее время в состав Группы входят лица, работающие в колледжах и университетах не только Нью-Йорка, но и в других городах Америки и Канады. Члены Группы, работающие по своей специальности в других учреждениях, или вышедшие за выслугой лет на покой, все же продолжают свою научную деятельность. В портфеле Группы накопился ряд работ ее членов, в том числе манускрипты некоторых уже почивших ученых. Считая главной задачей Группы обслуживание научных интересов своих членов и содействие развитию их деятельности в условиях свободного мира, Группа давно стремилась к изданию сборника их работ. Осуществить эту задачу, хотя бы частично, оказалось возможным только в настоящее время.

К скромным средствам самой Группы и отдельных ее членов прибавились ассигнования Humanities Fund, New York и Orthodox Charitable and Educational Foundation, Syracuse. Мы просим оба учреждения принять нашу глубокую признательность за их щедрую поддержку, благодаря которой настоящий выпуск «Записок» мог выйти из печати. В соответствии с разнообразием научных интересов членов Группы, в нем имеются статьи, относящиеся к далеко отстоящим друг от друга отраслям знания».

Erwin Oberländer. Tolstoj und die revolutionäre Bewegung (Толстой и революционное движение). Издательство Anton Puster, München-Salzburg 1968, 280 стр.

Тщательно собранный материал с многочисленными ссылками и цитатами заполняет четыре части: 1 — Социально-этические идеи Толстого, 2 — «Малые достижения» и «Большие идеи» 80-х годов, 3 — Толстой между реакцией и революцией, 4 — Социалисты-революционеры. С. О.

Маргарита Бубер-Нейман. «Kriegsschauplätze der Weltrevolution — ein Bericht aus der Praxis des Komintern 1919-1943» (Поля сражений мировой революции — из практики Коминтерна 1919-1943 гг.). Издательство See-wald Verlag, Stuttgart-Degerloch, 1967, 522 стр., 36.- нем. марок.

Маргарита Бубер-Нейман известна широкой публике как автор книги: «Als Gefangene bei Stalin und Hitler — unter zwei Diktaturen» (В плену у Сталина и Гитлера — под двумя диктатурами). В своей новой книге она дает правдивое описание часто базирующееся на личных переживаниях, отдельных полей сражений мировой революции: в Китае, Испании, Германии, Бразилии, Польше и Советском Союзе. С потрясающим реализмом описывается поголовное уничтожение отдельных групп населения России, процессы «вредителей», а также дается оригинальная характеристика фигуры Сталина. С. О.

Greville Wynne. Contact on Gorky street (Встреча на улице Горького). Издательство Athenaeum, 222 стр., 4.95 долл.

Г. Уинн описывает в своей книге историю своего знакомства, совместной работы и дружбы с полковником Олегом Пеньковским. Свое решение издать книгу Г. Уинн описывает следующим образом: во время заключения в Москве, неожиданно в одиночку к нему был посажен Пеньковский. В течение ночи они обсуждали предложение, сделанное им следственными властями. Они оба должны были согласиться вести себя и давать показания на суде согласно желанию следственных властей. За это обоим подсудимым и обещали сохранить жизнь. Уинн и Пеньковский считали, что вероятность того, что это обещание будет выполнено, крайне невелика, но все же был единственный — хотя и маловероятный — шанс на спасение Пеньковского; поэтому оба заключенных решили предложение принять. На суде оба показывали все, что от них требовалось. После суда их разделили. Уинн был «в порядке обмена» выслан в Англию, где он написал свою книгу, в которой описывает героическое поведение Пеньковского и его заслуги в деле предотвращения третьей мировой войны. Хотя книга была написана Уинном уже несколько лет тому назад, он ее не публиковал, т.к. надеялся на то, что Пеньковский все же, может быть, еще жив. Теперь, после того как он убедился в том, что Пеньковский несомненно «ликвидирован», книга вышла в свет. С. О.

Булат Окуджава. Проза и поэзия. С вступительной статьей Н. Тарасовой. Издательство «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1968, 320 стр., 18,50 нем. марок.

Сборник содержит краткую биографию Булата Шалвовича Окуджавы. Восемнадцатилетним юношей он в 1942 г. ушел добровольцем на фронт, где был ранен. В 1950 г. окончил университет в Тбилиси. Булат Окуджава создал новый, своеобразный жанр: он декламирует и поет свои песенки под аккомпанимент гитары. Манера его песен и чувство, которое он в них вкладывает, производят на слушателей неотразимое впечатление. Из многих тысяч его подражателей никто не смог добиться хотя бы похожего эффекта. Из прозы Окуджавы необходимо отметить повесть «Будь здоров, школяр», несомненно содержащую много автобиографических данных.

Открытое письмо

Дорогие соратники!

После смерти Походного атамана Петра Харитоновича Попова, была мысль об издании специального сборника, посвященного его памяти. Для этой цели была создана специальная комиссия, которая по причинам от нее независимым, не смогла собрать нужных для этого средств.

К 1968 году две трети этой комиссии ушли в лучший мир. По решению членов комиссии, оставшихся в живых, собранные ею суммы на указанную выше цель были переданы редакции журнала «Родимый Край» для издания специального номера, посвященного 100-летию со дня рождения Походного атамана, имя которого тесно связано со Степным походом и началом казачьих восстаний на Дону, с посвящением этого номера 50-летию этих событий.

К настоящему времени в редакции «Родимый Край» по этим вопросам собран большой материал, который имеет большое историческое значение, освещающий не только жизнь и деятельность ген. П. Х. Попова за его почти вековую жизнь, но также Степной поход и казачьи восстания на Дону весной 1918 года.

В один номер «Р. К.» обычного размера материал этот помещен быть не может. Выпуск двойного или тройного номера увеличит стоимость обычного номера «Р. К.» в два-три раза. Редакция «Родимого Края» по своим материальным обстоятельствам такого специального номера издать не может. Сумма, переданная ей на издание специального номера, хватает только на оплату трех четвертей обычного номера.

Чтобы издать специальный номер, посвященный этим событиям, с помещением всего собранного материала, необходимо оказать редакции «Р. К.» материальную помощь.

Настоящим письмом я обращаюсь ко всем участникам Степного похода и ко всем тем, кто чтит добрую память о Походном атамане П. Х. Попове, Степном походе и казачьих восстаниях: помочь редакции «Р. К.» своей посильной лептой издать специальный юбилейный номер. Пожертвования направлять в адрес «Род. Край»: B. Bogdevsky, 230, av. de la Division Leclerc, — 95 — Montmorency, France.

Чтобы положить начало этому добру и нужному для истории борьбы с большевиками делу, я передал редакции «Родимый Край» сто новых франков, т.е. почти все, что имелось в моем распоряжении из сумм Объединения Партизан-Степняков, но нужна помощь и отдельных лиц.

В добрый час!

Просьба к другим печатным органам перепечатать настоящее «открытое письмо».

Председатель Объединения Партизан-Степняков — А. Падалкин.
Париж, 26 августа 1968 г.

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● Русский драматический ансамбль в Сиднее (Австралия) вступил в пятый год своей деятельности. За 4 прошлых года Ансамбль поставил 31 пьесу. Режиссер ансамбля — А. Демидов — подготовил к открытию пятого сезона пьесу Н. Сургучева «Осенние скрипки».

● В Лондоне, в театре Ковент-Гарден на закрытом благотворительном спектакле «Королевского Валета» была показана премьера новой постановки Рудольфа Нуреева «Щелкунчик».

● Памяти композитора А. Гречанинова, скончавшегося 10 лет тому назад в Нью-Йорке, был посвящен последний концерт этого сезона Культурно-Просветительного Комитета в Нью-Йорке, 26 мая с. г. в «Доме Свободной России». Баритон Я. Бардош спел две арии — «Демон» и «Узник» Гречанинова; певица-сопрано А. Яблоновская-Таган спела пять романсов Гречанинова. Кроме того на концерте выступили: пианистки Дана Захарович, Маша Коре и Вильма Рихтер. Концертом руководил Д. Н. Конради.

● 19 июля с.г. в зале приходского дома Свято-Богородицкого храма в Лос-Анджелесе (США) состоялся концерт в пользу «Общества помощи русским детям». В первом отделении выступил приходской хор под управлением Дж. Уоррена. Группа артистов сыграла скетч в постановке Д. Скоробогача. Во втором отделении певица сопрано Таня Вила пела романсы Даргомыжского, Балакирева, Чайковского и Блейхмана.

● «Музыкальный ансамбль русской молодежи» в Париже отметил 5 лет своей деятельности концертом в помещении Русской консерватории. Руководитель ансамбля Евгений Евец открыл концерт докладом о возникновении и пятилетней работе этого музыкального начинания. В концертной программе выступили: пианистка Марина Черткова, пианист Раймон Шварц, вокальное трио, состоящее из дочери, невестки и сына Евеца — Ирины, Марии и Василия — оркестр струнных инструментов.

● Русский хор Фрейбургского университета (ФРГ), состоящий из 37 студентов и студентов, под руководством Александра Креслинга, совершил концертное турне по северу Ирины, Марии и Василия — оркестр струнных инструментов.

● Русская консерватория имени С. В. Рахманинова в Париже провела два концерта учеников консерватории 19 и 26 июня с.г. С успехом выступали ученики следующих педагогов: проф. Гаврилова-Розе, проф. Н. Савицкой, проф. А. Р. Андреева, проф. Вальдарини, проф. Григорьевой и проф. С. Собарницкой. 13 июля с.г. там-же дали концерт ученики консерватории: Елена Ассанович, ученица профессора Е. Лушиковой, исполнила арию Ярославны из оперы «Князь Игорь»; Даниэль Батист, ученица профессора С. Яковлевой, исполнила арию Недды из оперы «Паяцы» и романсы Рахманинова и Сухова.

● Барон Николай Богданович Мейендорф, сын генерал-адъютанта императора Николая II, попал после крушения Белого Движения в эмиграцию в Югославию и стал там художником при дворе короля Александра. Николай Богданович особенно интересовался древними фресками и иконами, которыми богаты монастыри и храмы Югославии. Последние 20 лет он живет в Зальцбурге (Австрия). Им расписаны три королевских дворца, 23 храма и многие государственные и городские здания. Два года он работал над росписью православного храма в Гамбурге (ФРГ). Храм-памятник в Брюсселе также украшен его работой. В настоящее время он выполняет заказ известного русского архитектора в США Константина Александровича Перцова — знатока византийской иконописи — работая над 39 большими мозаичными иконами для православного храма в Бостоне (США). Первые пять икон уже готовы и стоят в храме на своих местах.

● В Торонто (Канада), в церковном зале Храма Христа Спасителя, состоялась выставка произведений русских художников. Отмечаем следующих участников: Анна Ананова — пейзажи средней полосы России, Л. А. Балевиц — портреты, о. Георгий Белый — пейзаж, Л. А. Карманова — цветы, Б. А. Власенко — пейзажи, С. П. Тиррас — портреты, И. П. Сухачев — портреты, М. П. Наумов — исторические и литературные персонажи, Г. П. Гурский — лесной пейзаж, Л. Милостная — портреты, А. Н. Щербак — художественная вышивка. Выставку организовали две супружеские четы — Генины и Погорские.

● Вечер памяти Ремизова прошел при переполненном зале в помещении Русской консерватории в Париже. Вступительное слово сказал Б. К. Зайцев. С докладами выступили: профессор Н. Е. Андреев о творчестве Ремизова, Н. В. Резникова прочла свои воспоминания о Ремизове, проф. Пьер Паскаль дал прекрасную характеристику творчества Ремизова, писательница Н. В. Кондрянская прочла четыре письма Ремизова, С. Ю. Прегель прочла отрывок из книги Ремизова «Оля», С. П. Жаба прочел работу поэтессы Горской о творчестве Ремизова.

● 18 мая с. г. в помещении Русского дома в Мельбурне (Австралия) прошел первый номер Устной Газеты. Вечер открыл А. Морозов, так охарактеризовав цель газеты: «Собратся вместе, хотя бы один раз в месяц, получить сведения, главным образом те, о которых ежедневная пресса умалчивает, проанализировать события у нас на Родине и в других странах за железным занавесом, послушать местных поэтов или пишущих прозу, сделать перекличку живых сил, готовых продолжать нашу борьбу — вот главная цель Мельбурнской «Устной Газеты». В первом номере выступили: Петропуло «Сегоднешнее положение в СССР», Н. И. Зубрин — «Положение сельского хозяйства в СССР», В. Вишневский — «Последнее слово Ю. Вуковского». Второй июньский номер газеты был посвящен молодым поэтам России.

Основной доклад был сделан С. А. Зезиным. Во втором номере 22 июля выступили: Е. В. Хусс — «Проблемы новоприбывших» и С.А. Зезин — «О молодых поэтах нашей родины». Последний доклад иллюстрировался передачей многочисленных магнитофонных записей стихов-песенок приезжавшего в Австралию поэта Булата Окуджавы.

● 17 июля с.г. в Мюнхене (ФРГ) в помещении Русской библиотеки Толстовского Фонда состоялось траурное собрание, посвященное убийству императора Николая II и его семьи ровно 50 лет тому назад. От имени организаторов — Объединения бывших воспитанников российских и зарубежных кадетских корпусов — А. А. Шпакович приветствовал собравшихся и кратко описал трагическое событие в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Секретарь Объединения Л. О. Бек произнес вступительное слово к демонстрировавшемуся затем историческому фильму «Царствование императора Николая II». Вице-председатель Объединения С. П. Рудник отметил активность русской общественности Мюнхена, переполнившей зал библиотеки.

● Под руководством В. А. Вейдле и Алэна Безансона в Интернациональном Культурном Центре в Париже состоялась серия докладов на тему: «Золотой век в России и его наследие». В течение недели с 4 по 11 июля выступили с докладами: В. А. Вейдле, Г. А. Адамович, З. А. Шаховская, Шлезер, Д. Арран, Ж. Нива, Т. Рапс-Шестов, Г. Каннак, А. Безансон, Р. Тарр и Н. Суклинг.

● На первом собрании вновь организованного Литературно-Художественного Кружка при Российском Центре в Лос-Анджелесе (США) проф. И. А. Лопатин прочел доклад о русской народной песне. Во втором отделении поэты З. Ковалевская, Р. Тер-Погосиан и Н. Гончарова прочли свои стихотворения. Старостой кружка был избран Р. Погосиан. Второе собрание было посвящено теме «Ранние русские романы». Основной доклад был сделан В. М. Петровым. 36 выпуск «Устного журнала» состоялся 23 июня с.г. в зале фонда св. праведного Иоанна Кронштадтского в Лос-Анджелесе (США) и был посвящен памяти поэта Ивана Савина.

● В обществе «Беседа» в Филадельфии (США) было отмечено десятилетие со дня кончины композитора А. Г. Гречанинова, докладом о жизни композитора и его произведениях. Доклад был музыкально прекрасно иллюстрирован.

● На общем собрании Русско-Американского Союза Помощи, в «Доме Свободной России» в Нью-Йорке были прочитаны доклады о деятельности Союза за 1967-8 отчетный год: Административный секретарь Союза А. В. Руммель — общий отчет; заведующий домами для престарелых В. А. Неклюдов и финансовый секретарь Союза С. М. Таптыков — финансовые отчеты Союза домов для престарелых и «Дома Свободной России»; председательница Дамского комитета З. И. Высоковская — о деятельности комитета; заведующий бюро труда П. Н. Вязмитинов — о своей работе. Новое правление было избрано в следующий состав: председатель — князь С. С. Белосельский, вице-председатели — И. П. Дворниченко и А. И. Рогожин, административный секретарь — А. В. Руммель, финансовый секретарь — С. П. Таптыков, члены правления: С. Н. Боголюбов, А. П. Волков, С. Н. Ряснянский. В совет директоров были избраны: о. архимандрит Антоний, В. М.

Ажогин, П. Н. Вязмитинов, Н. З. Кадесников, Н. К. Камаев, В. С. Коверда, Е. Л. Кукуш, В. В. Пожидаев, С. И. Попов, Ю. В. Соловьев, А. Г. Тарсадзе. В ревизионную комиссию были избраны: Д. П. Вертепов и М. И. Шомин.

● В марте с.г. в Париже состоялось первое учредительное собрание Общества друзей «Военной были», созданного по инициативе редактора «Военной были» А. А. Геринга. Этот журнал, посвященный прошлому русской армии, был основан в марте 1952 года. С тех пор он аккуратно выходит каждые два месяца и постепенно из органа «Общекадетского объединения» во Франции превратился в серьезный и общепризнанный военно-исторический журнал, с большим числом читателей, не только во всем Зарубежье, но и в Советском Союзе. Таким образом значение журнала далеко переросло поставленные ему при основании задачи. Вновь основанное общество ставит себе целью поддержку и распространение журнала. В первое правление были избраны: В. Н. Василенко, А. А. Геринг, Е. Н. Оношковиц-Яцына, Н. А. Радченко и А. Д. Шмеман. Адрес редакции: 12, rue Parent de Rosan, Paris XVI-ème.

● Организация «СБОНР» («Союз борьбы за освобождение народов России») приступила к сбору средств в «Фонд борьбы». Собранные средства предназначаются на издание материалов для передачи в Советский Союз. Издаваемые на средства Фонда материалы печатаются уменьшенным форматом на специальной бумаге и в продажу не поступают. Эти материалы предназначены только для бесплатного распространения и высылаются бесплатно всем, кто имеет возможность переправить их по назначению. Особый интерес представляет полный текст манифеста «КОНРА» — так называемый «Власовский манифест». Адрес издательства: SBONR, P. O. Box 411, Station „B“, London, Ont. Canada.

● Общекадетское Объединение во Франции отпраздновало 21 июня с.г. 90-летие своего всеми уважаемого и любимого вице-председателя Александра Александровича Левицкого. Юбиляр окончил Орловский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище и служил в конной артиллерии. На чествование собралось более сорока бывших кадет.

● Профессор Елизавета Федоровна Хилл, более 30 лет руководившая Славянским отделом Кембриджского университета (Англия), достигла предельного возраста научных работников английских университетов и должна была выйти в отставку. Е. Ф. Хилл родилась в Петербурге. После революции переехала в Англию, где окончила Лондонский университет. В чествовании уходящей в отставку участвовали: Объединение студентов-славистов, Славянский отдел университета и многочисленные бывшие ученики.

● В № 173 выходящего в Лос-Анджелесе журнала «Родные дали» помещено обращение к русским людям Бориса Белоусова. Приводим его дословно: «Как известно, третья неделя июля, по постановлению Конгресса, является „Неделей поработанных народов“. Как и каждый год, мэр гор. Лос-Анджелеса г. Сэм Йорти разослал представителям поработанных народов прокламацию о „Неделе поработанных народов“. В одном из пунктов прокламации говорится о том, что Россия поработила 19 народов. Всем известно, что осенью 1917 года Россия, как государство, перестала существовать и поэтому

никого не могла поработить. Народы Восточной Европы, в том числе и русские, были поработаны интернациональным коммунизмом». Б. Белоусов призывает всех русских жителей Лос-Анджелеса посылать мэру города письменные протесты по поводу его прокламации.

● В русском отделении Мельбурнского университета состоялась выставка книг писателя-натуралиста Николая Аполлоновича Байкова, скончавшегося в 1958 г. Особое внимание заслуживает его книга «Великий Ван», описывающая жизнь и биологические особенности манчжурского тигра и приводится ряд легенд, связанных с ним. Эта книга была многократно переиздана на русском и японском языках. Друг покойного В. Н. Жернаков издал брошюру, посвященную литературной деятельности Байкова. Библиографический список содержит 306 названий книг и статей, написанных покойным.

● Во Владимирове, близ города Чикаго (США), состоялся съезд русской православной молодежи. Четвертый годовой съезд собрал с 29 августа по 1 сентября с.г. более 60-ти делегатов со всей Америки. Съезд посетили также митрополит Филарет и архиепископы Серафим Чикагский и Антоний Сан-Францисский. Основные доклады были сделаны: митрополитом Филаретом «О деле Православной церкви за рубежом», проф. В. И. Алексеевым — «Была ли в СССР культурная революция типа китайской?», и инж. М. В. Викторовым — «Русская техническая культура».

● Вблизи города Итаньян в штате Сан-Пауло (Бразилия) на берегу моря самотеком образовалась русская колония. В течение последних 20 лет многие русские приобрели земельные участки на берегу океана, между городами Итаньян и Перуное. Постепенно из отдельно стоящих домиков и барачков образовался благоустроенный дачный поселок, соединенный автомобильной дорогой с Итаньяном. В течение последних 12 лет в поселке ежегодно устраивается летний лагерь для русских детей. В этом году в лагере участвовало более 100 детей и подростков. Также традицией стала совместная встреча Нового Года, на которую съезжается много русских бразильянцев.

● В текущем году обеими группами культурно-просветительного отдела Объединения молодежи Витязей в Париже был устроен ряд интересных докладов. Необходимо отметить следующих докладчиков: С. Донсков — «Новый класс по Джиласу», проф. В. И. Ильин — «Особенности русской культуры», В. Кочубей — «Сталин и СССР», проф. граф В. В. Зубов — «Деревянное зодчество древней Руси», О. Оболенская — «Русские портретисты», А. Федоров — «Тютчев».

● 7 июля в зале латвийского клуба в Стратфильде (Австралия) был поставлен детский спектакль — сказка «Малахитовая шкатулка». Постановкой руководили режиссер Н. Г. Малайкин, балетмейстер Н. В. Кожевников и учительница пения Т. В. Крестовская. Декорации были написаны художником Г. Косициным. Доход от спектакля был передан св.-Николаевской школе.

● В Кройдоне (Австралия) Национальная Организация Витязей устроила два публичных доклада: А. Закрочимский — «Причины студенческого бунта» и Н. Клебанский — «Наше отношение к исторической России».

● Самой большой русской церковной школой в Австралии является школа при св.-Петропавловском соборе в Стратфилде. В текущем году школу посещали 124 ученика. Школой руководит о. Федор Михалюк.

● Настоятель русского храма в Филлахе (Австрия) о. Георгий Сидоренко обслуживает также русские приходы в других австрийских городах. О. Георгий обучает 25 русских детей Закону Божию и русскому языку. Занятия ведутся в здании местной школы по субботам, параллельно на русском и немецком языках.

● Летний лагерь Витязей «Русь» состоялся в этом году как всегда вблизи Гренобля (Франция), в горной, лесистой местности, между двумя озерами. В течение двух месяцев с 1 июня по 31 августа дети и подростки занимались спортом, совершали походы и прогулки. Кроме того регулярно проводились занятия по Закону Божию, родиноведению, русскому языку, хоровому пению и так далее.

● В Суворовском летнем лагере Витязей в Альпах силами членов организации построена церковь.

● Летний лагерь св.-Серафимовского фонда был открыт в Аккорде близ Нью-Йорка. В лагерь съехало 70 детей. В первый день лагеря, в воскресенье, в лагерной церкви служил о. Александр Киселев, Общее руководство лагерем находилось в ведении проф. Ю. А. Сименцова. Лагерем девочек руководила Н. В. Голина, а мальчиков — В. Александров.

● С 1 по 3 июня с.г. в «Доме Отдыха Белого Воина» в Монфермей (под Парижем) состоялся 13-й съезд «Объединения молодежи Витязей».

● Общество «Русский Сокол» в Лос-Анджелесе провело в помещении чешского Сокола показательный вечер. Была показана гимнастика соколов, дололок и детских групп.

● В день св.-Георгия (праздник скаутов), в Кройдоне (Австралия) вышел первый номер скаутского журнала «Заря», который должен будет издаваться по принципу: «наши читатели — сами писатели».

● В Камграммате (Австралия) стараниями «Русского Благотворительного Общества» построено 7 новых жилых зданий, вошедших в состав «Дома Престарелых пр.Сергия Радонежского». Русс. Благотв. Общество оплатило треть стоимости построек из специального фонда, состоящего из пожертвований. Две трети были получены из Департамента Социальной помощи Австралии.

● В Париже прекратил свое существование «Комитет помощи русским эмигрантам», основанный в 1946 г. П. Е. Мельгуновой и М. А. Иорданской, для помощи так называемым «новым» эмигрантам. В данное время русские эмигранты времени Второй мировой войны, или так наз. послевоенные беженцы, уже урегулировали свое правовое положение и включились в хозяйственную жизнь Франции. Поэтому надобность в специальном комитете, как вышеуказанный, миновала.

● Детский дом в Монжероне (Франция) этим летом впервые обратился к русским людям с просьбой взять на летние каникулы 1-2 детей, чтобы они могли провести свой

отдых в русской семейной обстановке. Это обращение имело успех — многие русские семьи, располагающие собственной усадьбой или дачей, откликнулись на эту просьбу.

● 2 июня, в Троицком соборе в Торонто (Канада) был торжественно освящен киот с иконами свв. Константина и Елены, св. князя Александра Невского и св. Великомученика и Победоносца Георгия. Киот работы иконописца И. П. Сухачева посвящен памяти начальника всех военных учебных заведений великого князя Константина Константиновича. После молебна состоялся банкет, на котором присутствовало более 200 бывших кадет и членов их семей. Наиболее многочисленно была представлена Монреальская группа, но и бывшие кадеты, проживающие в Чикаго и Нью-Йорке, прислали свои делегации.

● Закончена постройка домового церкви во имя св. Николая Чудотворца в Русском Доме в Иоганнесбурге (Южн. Афр. Республика), принадлежащей «Обществу русских эмигрантов в Южной Африке».

● Уже семь лет ведутся работы по постройке храма св. Николая Чудотворца в Аделаиде (Австралия). Проект разработан архитектором Розанас. Первым руководителем стройки был архитектор В. С. Пожидаев, вторым (в течение последних 6 лет) арх. М. Н. Павлов; статические расчеты сделаны инженером Коваленко. Строительный комитет прихода до сих пор прекрасно справлялся с тяжелой задачей финансирования работ, что оказалось возможным благодаря жертвенному труду и отзывчивости прихожан.

● В этом году исполняется 100-летие дня основания прихода св.-Троицкого собора в Сан-Франциско (США).

● В св.-Покровском Храме в Лос-Анджелесе, на временных подставках размещены шесть икон, прибывших со св. Горы Афон. Эти иконы написаны в 1915 г. русскими монахами-иконописцами. Комиссия прихода по благоустройству храма разрабатывает проект внутреннего украшения храма и размещения икон.

● «Православный Союз помощи» в Зальцбурге (Австрия) уже 11 лет заботится о могилках жертв Лиенцской трагедии — насильственной репатриации казаков и их семейств в Советский Союз. За 11 лет Союзом затрачено более 56.000 австр. шиллингов.

● В православном храме на кладбище бывшего лагеря Пеггез в городе Лиенце (Австрия) 2 июня архиепископ Антоний Женевский и Западно-Европейский, в сослужении протоиереев И. Троянова, Н. Коробкова и иерея Сидоренко, при участии хора церкви Архангела Михаила под управлением регента Н. Закуты, отслужил панихиду по жертвам трагедии — казакам, казачкам и их детям, погибшим здесь 1 июня 1945 г. при принудительной выдаче английскими военными властями советам. Совершавшееся во время выдачи богослужение так описывается казачьей газетой «Родимый Край»: «Служили эту литургию 18 священников, из 18 чаш причащались на смерть казаки... Танки репатриационных отрядов раздавили церковный помост и разрезали собравшихся на отдельные островки, в которых закипела насильственная посадка в автомашины. Люди бросались под колеса автомашин, под гусеницы танков, стреляли в своих жен и детей и в себя. Над войском стоял сплошной стон,

вслушиваясь в который можно было различить слова: Христос...»

● 1 марта с.г. в Сан-Пауло (Бразилия) после длительной болезни скончался архиепископ Сан-Паульский и Бразильский. Покойный владыка — сын сельского священника — окончил духовную семинарию в Вильне и духовную академию в Петербурге, где принял монашество. В 1918 г. он подает в Югославию. В 1935 году, уже в сане епископа, назначается первым православным иерархом в Бразилию. Погребение состоялось на кладбище св. Павла.

● В Париже скончался Владимир Бурыйкин, воспитанник русской гимназии в Париже, основатель Русского баскетбольного клуба. Во время последней войны покойный был одним из наиболее заслуженных руководителей организации французского сопротивления («Резистанс»). Более 100 американских и английских летчиков обязаны ему своим спасением.

● В Иерусалиме скончалась в глубокой старости Ольга Николаевна Глазунова (в монашестве мать Александра), вдова композитора. За несколько дней до смерти она приняла схиму.

● После долгой болезни, в Чикаго (США) скончался Михаил Викентьевич Томашевский — Корниловец гражданской — Власовец Второй мировой войны. Вспоминая покойного, приводим цитату из одной из его последних статей: «...Все русское, все что связано с Россией, здесь, в так называемых „свободных странах“ подвергалось оплевыванию в течение столетия людьми из интернациональных кругов. Так старались оплевать и очернить и нас, тех кто не задумываясь боролись за народ и Родину, отдавая борьбу самое драгоценное для человека — свою жизнь...»

● 1 июня с.г. в Буенос-Айресе скончалась Федора Петровна Чаловская, известная и почитаемая общественная деятельница Аргентины. Покойная работала много лет в издательстве «Сеятель», в «Союзе Самообразования» в Ремидио де Эскалада и в «Федерации российских рабочих организаций в Южной Америке».

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А.Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника.

Адрес редакции:
SARUBESCHIE
8 München 27
Postfach 16
Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 30 / 90 246
Банк: Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 27, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „ISKRA“, München 12, Parkstr. 7, Rgb.